

О ВРЕМЕНИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЗАРУБИНЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

К. В. КАСПАРОВА*

Несмотря на длительный период изучения зарубинецкой культуры у исследователей не сложилось единого мнения о ее ранней дате. Расходятся взгляды и на время возникновения основных вариантов культуры - полесского, среднеднепровского и верхнеднепровского (рис.1).

Разногласия по этим вопросам казалось бы не столь существенны - речь идет об относительно коротком временном отрезке, но для сложной проблематики генезиса, путей формирования, динамики развития культуры, корректировка этих дат играет важную роль.

Не вдаваясь в далекую историографию вопроса, напомним кратко, в чем суть и причины этих расхождений. Ю.В.Кухаренко (1960) считал, что наиболее ранние зарубинецкие памятники возникли в Припятском Полесье, откуда население передвинулось в Поднепровье. В своих выводах исследователь опирался на находки в полесских могильниках самых ранних фибул в зарубинецкой культуре - расчлененных среднелатенской конструкции (рис.2:1,10), полагая, что у зарубинцев они появились "не ранее конца II в. до н.э." и представляли собой развитые варианты кельтских прототипов (Кухаренко 1964:51). Последние, согласно общепризнанной в то время хронологии Я.Филипа, датировались серединой II в. до н.э. - началом I в. до н.э. (Filip 1956:107-113). Ю.В.Кухаренко считал основным хронологическим эталоном фибулы, отвергая датировку зарубинецкой культуры на Среднем Днепре по фрагментам античных амфор из поселений, ибо не было ни твердо датированных находок, ни закрытых комплексов (Кухаренко 1964:51,52). Кроме того, он исходил из своей концепции происхождения зарубинецкой культуры от непосредственно предшествующей поморской, наиболее яркие элементы которой выступают именно в Полесье. Появившиеся через несколько лет новые материалы в Среднеднепровском зарубинецком регионе не подтвердили мнение Ю.В.Кухаренко: на Пироговском могильнике была найдена расчлененная фибула (рис.2:9), аналогичная полесской, а на городище Пилипенкова гора обнаружен фрагмент амфоры с клеймом, датированным 230-220 гг. до н.э. (Максимов 1972:113), то есть, более ранним временем, чем указанные фибулы.

Не подтвердилось и представление П.Н.Третьякова о Полесье как "глухой окраине" зарубинецкой культуры, имевшей здесь более примитивный облик (Третьяков 1966:215-219). Новые данные бесспорно показали широкие этно-культурные связи Полесского региона с латенскими и латенизированными культурами Средней и Юго-Восточной Европы, в частности, с Карпато-Дунайским бассейном (Каспарова 1978;1981). Позднее П.Н.Третьяков отмечал одновременное появление, в начале II в. до н.э., зарубинецкой культуры в Среднем Поднепровье и в Полесье, носители которой во второй половине II в. до н.э. передвинулись в Верхнее Поднепровье (Третьяков 1970:38).

Д.А.Мачинский, опираясь на Я.Филипа и Р.Хахманна, полагал, что расчлененные фибулы на нашей территории могли бытовать во второй половине II в. до н.э. - начале I в. до н.э. (Мачинский 1963:21). Формирование зарубинецкой культуры в Полесье исследователь относил ко второй половине II в. до н.э., а в Среднем Поднепровье - к концу II - рубежу II-I вв. до н.э. (Мачинский 1966:4,5).

Датировки Я.Филипа и Р.Хахманна принял и А.К.Амброз, хронология и классификация фибул которого получила широкое признание у отечественных исследователей. А.К.Амброз, как и Ю.В.Кухаренко, считал, что расчлененные и гладкие фибулы из памятников зарубинецкого ареала и из Северного Причерноморья относятся к позднему этапу развития фибул среднелатенской схемы - к позднелатенскому периоду, и датировал расчлененные началом I в. до н.э., а некоторые (погребение 25. Воронино) - даже концом I в. до н.э. - I в. н.э.; гладкие провололочные (сходные с вариантом В по Костшевскому) - I в. до н.э., ранние варианты фибул зарубинецкого типа - I в. до н.э. Соответственно, и первый этап зарубинецкой культуры был отнесен им к началу I в. до н.э. (Амброз 1966:13-17,19).

* Россия. Санкт-Петербург. 191065. Дворцовая наб. 34. Государственный Эрмитаж, отдел археологии Восточной Европы и Сибири.

Против определения нижней границы зарубинецких древностей только по фибулам из могильников активно возражал Е.В.Максимов, убежденный сторонник преимущества античной хронологии и противник "омоложения" латенских фибул Я.Филипом (Максимов 1969; 1972:106-115; 1982:21-23). Он полагал, что использование прежней латенской хронологии (П.Райнеке и др.) не вносило столь явного диссонанса в датировки зарубинецких памятников: возникновение поселений и могильников почти совпадало и подкреплялось письменными данными о появлении в конце III - начале II вв. до н.э. галатов в Северном Причерноморье, которые могли принести туда образцы кельтских фибул, где началось их местное производство. Последние, считал Е.В.Максимов, скорее всего, послужили прототипами для форм застежек зарубинецкого населения, допуская, правда, и возможность прямого проникновения фибул из средневропейских областей. Распространение их у зарубинцев он относил к середине или третьей четверти II в. до н.э. (Максимов 1969:20; 1972:107,108).

В споре с Д.А.Мачинским, которого поддержал Ю.В.Кухаренко (1964:51), по поводу датировок комплексов из Северного Причерноморья с гладкими среднелатенскими фибулами, аргументы Е.В.Максимова (1969:19-20) в защиту их более ранних дат, чем рубеж II-I вв. до н.э. (Мачинский 1963:25) звучали достаточно убедительно. При этом, однако, возникала несовместимость с хронологией фибул по Я.Филипу: получалось, что в Северном Причерноморье и в зарубинецком ареале фибулы кельтских типов появились раньше, чем у кельтов в Средней Европе. Время появления зарубинецкой культуры в Среднем Поднепровье Е.В.Максимов в свое время (1969:23) относил к началу II в. до н.э. Находка ручки амфоры с клеймом позволила удрежить дату поселений до последней трети III в. до н.э., в то время как возникновение могильников по фибулам определялось им не ранее последней трети II в. до н.э. При этом Е.В.Максимов отмечал, что расхождение этих дат искусственное и связано, во-первых, с завышением датировок фибул, а во-вторых, создавшееся противоречие считал возможным объяснить существованием в зарубинецкой культуре бесфибульного периода (Максимов 1969:18,20,21; 1972:114,115). "Дофибульная стадия" была выделена в верхнеднепровском регионе Л.Д.Поболем и датирована серединой III в. до н.э. - серединой II в. до н.э. по вещам и керамике "скифского облика", которые якобы представлены в ранней стадии могильника Чаплин и могли появиться в результате зарубинецко-скифских контактов (Поболь, 1973). Анализ материалов показал, что так называемые "скифские элементы", выделенные как ведущие формы этой стадии, представлены в равной мере и в других - с фибулами; что миски с загнутыми во внутрь краями по пропорциям не характерны для скифской культуры, наконечники копий и дротиков находят аналогии в латенских памятниках, в пшеворской и оксывской культурах, а подковообразные застежки распространены в соседних культурах лесной зоны (Каспарова, Мачинский, Шукин 1976). Дальнейшие исследования подтвердили объективность нашей критики (Обломский 1990:7,9; Еременко, Журавлев 1992).

Еще в 60-е годы в работах европейских исследователей наметилась тенденция пересмотра хронологии Я.Филипа; появились разработки, позволяющие удрежить датировки фибул, отдельных типов керамики и других категорий вещей (Benadik 1962:341-394; Ludikovski 1964:321-349; Gabrovec 1966:181-193; Todorović 1968:51-54,115; Hodson 1968:14-38; Polenz 1971:31-43; Ziga 1971:171-238; Meduna 1970:57-59; Čizmař 1970:569-573; и др.). Были предложены поправки к хронологической схеме эпохи Латена (Woźniak 1970:29-39,62,63; 1974:9,10). К.Годловский, обобщив результаты многих исследований, предложил датировать начало фазы Латена С серединой-второй половиной III в. до н.э., фазу С₂ - серединой II в. до н.э., а дату возникновения латенизированных культур "позднего предримского времени", которые по Р.Хахманну соответствовали Латену D (120-110 гг. до н.э. - начало н.э.), отнести к концу Латена С₁-С₂ (Godłowski 1977:22,36,43-45,115-119). Дальнейшие исследования различных кельтских регионов, а также латенизированных культур, позволили внести существенные хронологические коррективы (Kruta-Poppi 1975,1979; Haffner 1974,1979; Stöckli 1979; Benadik 1977; Čizmař 1975,1989; Polenz 1978,1982; Meduna 1980; Seyer 1982; Bujna 1982; Babeş 1985; Müller 1985; Waldhauser 1987; Dąbrowska 1988; Rybova, Drda 1989 и др.). Некоторые разработки отечественных исследователей дополняют складывающуюся схему как уточнениями локального значения, так и принципиально новыми положениями (Михлин 1980; Дашевская, Михлин 1983; Каспарова 1977,1978,1984,1989; Shchukin 1989; Шукин 1991; Еременко 1990; Пачкова 1991). Подведены и основные итоги новых изменений латенской хронологии (Polenz 1982:116-128 сл., там приведена обширная литература; Dąbrowska 1988:50-62; Shchukin, Eremenko /в печати /).

В целом, к настоящему времени почти сложилась современная европейская хронологическая система эпохи Латена и цикла латенизированных культур, хотя ряд вопросов остается

дискуссионным. Среди них сложная проблема синхронизации хронологии западных кельтских регионов с восточными и с датировками этапов развития латенизированных культур. Напомним, что смены культурных стилей в разных регионах происходили неравномерно и асинхронно, и это находит отражение на хронологических схемах, где фазы не могут быть строго последовательны - они частично сосуществуют и перекрывают друг друга (Щукин 1991а:93, сл.; Каспарова 1984:112-117).

В абсолютных датах интересующая нас латенская фаза C_1 Х.Поленцем датирована в пределах 250/230 - 185/170 гг. до н.э. Основанием этому послужил анализ новых находок из могильников Северной Италии, Порейнья и Подунавья, особенно изучение взаимовстречаемости в комплексах монет с фибулами и другими вещами, а также расчеты ритмов и длительности развития периодов кельтской культуры. Подкрепляющим аргументом явились новые данные дендрохронологии (Polenz 1982:116-128, сл.).

Остатки щита из Ла Тена, умбон от которого характерен для фазы C_1 , датирован 229 годом до н.э. (Haffner 1979:405-409, Abb.1; Polenz 1971:33,48, Abb.58:8; 1982:119-125). Однако, в Восточной Кельтике аналогичные ленточные прямоугольные умбоны встречаются в комплексах фазы B_2 (Domaradzki 1977:57,58, gr. II IA, tabl.3, zestawienie po S.64), а судя по исследованиям Й.Буйны - в позднейшем отрезке этой фазы, или в фазе B_2/C_1 (Bujna 1982:335, Тур.47; Abb.5:47). К тому же времени относятся умбоны этого типа из памятников Чехии (Waldhauser 1987:Abb.3:21). Различия в тенденциях эволюции некоторых типов умбонов в западных и восточных кельтских регионах были отмечены М.Домарадзким (1977:64,65). Для памятников Карпатской котловины, а также Чехии, фаза C_1 разделена на подфазы C_{1a} и C_{1b} (Bujna 1982; Waldhauser 1987:32-38). Границу между ними Ю.Вальдхаузер помещает "около 200 г. до н.э." (1987:35; Tabelle I), что согласуется с дендродатой 208 г. до н.э. для погребения 96 из Ведерат (юго-западная Германия) откуда происходят две фибулы среднелатенской схемы: одна с шариками, вторая с фальшивой пружиной на конце ножки (Haffner 1979:405, Abb.2:2,3), которые типологически близки (хотя не идентичны по деталям) формам фазы C_{1b} по схеме Й.Буйны для Карпатской котловины (Bujna 1982: Abb.4:29;30). Вероятно, эти типы фибул в западных и восточных кельтских областях развивались относительно синхронно.

По мнению В.Е.Еременко, опирающегося на ряд упомянутых данных, а также на собственные соображения о более ранней датировке Пергамского фриза с изображением кельтского оружия, фаза C_1 началась в середине III в. до н.э., а подфаза C_{1b} - в 225-190 гг. (Еременко 1990:5). Предложение этого же исследователя относить начало фазы C_2 к 200/180 гг. до н.э., исходя из пересечения дат амфорных клейм из поселений поспешти-лукашевской культуры и из предположения об их синхронности ранней фазе Лукашевского могильника, где найдены типичные для C_2 фибулы варианта В Костшевского, представляется мне недостаточно убедительным: ведь совместно эти находки нигде не встречены.

Рубеж фаз C_2 и D_1 по дендрохронологии и расчетам Х.Поленца приходится на 120/105 гг. до н.э. или 120/116 гг. до н.э. (Polenz 1982:123-125; Haffner 1979:409). Конец фазы D_1 - предмет длительных дискуссий (см. Godłowski 1977:58-66; Щукин 1991а), большинством исследователей датируется в пределах 60-40 гг. до н.э. на основании находок в кельтских опсидах и раннеримских лагерях и сопоставлений с рядом исторических событий (Haffner 1974:59-72; Rieckhoff 1975:26-32, 79-81, Taf.8; Stöckli 1979:195-201; Polenz 1982:125; Dąbrowska 1988:59; и др.).

Процесс завершения позднелатенского периода в различных регионах Европы происходил особенно неравномерно и длительно, образуя переходные горизонты хронологически перекрывающие друг друга, и не всегда территориально замкнутые. В то время как конец фазы D_2 на рейнско-дунайских землях наступил в 15-12 гг. до н.э. в связи со строительством римских военных лагерей (а в Баварии еще продолжалась локальная фаза D_3), в северо-восточных областях позднелатенский стиль сменился раннеримским в 10-20 гг. I в. н.э., или даже в 30-40 гг. (Godłowski 1977:18-20, 59-66; Dąbrowska 1988:61,62; Świątek 1989:109; Щукин 1991а).

При сопоставлении периодизации латенизированных культур с системой хронологии эпохи латена их ранняя фаза "а" по Р.Хахманну синхронизируется с фазой C_{1b} или с рубежом C_1/C_2 , а поздняя фаза "d" приходится на Латен D_2 и, частично, на начало фазы B_1 римского времени (Godłowski 1977:115-118; 1985:13-40; Dąbrowska 1988:61,62).

Однако, надо отметить, что в отечественной литературе высказано и другое мнение по затронутым вопросам. Так, А.М.Обломский предлагает по-прежнему синхронизировать начало культур позднего предримского времени с фазой Латена D и при датировках фибул опираться на систему Я.Филица и Р.Хахманна (Обломский 1983:117). С предложенной им хронологией фибул

трудно согласиться, что уже отмечалось (Чеботаренко, Щербакова, Щукин 1987:243,244; Каспарова 1989:93), однако, без развернутой критики. Чтобы вскрыть противоречивость многих рассуждений и неточность выводов исследователя, требуется специальное их рассмотрение, в сущности, не имеющее смысла, ибо очевидна ошибочность его исходных позиций: А.М.Обломский не принял во внимание результаты новых (но уже ему известных) хронологических разработок целого ряда исследователей, а для их опровержения не представил убедительных аргументов. Однако, чтобы не быть голословной, приведу несколько примеров, касающихся датировок важных для данной темы. Во-первых, мнение З.Возньяка о пригодности хронологии Я.Филипа изложено противоречиво и неверно (Обломский 1983:114), ибо польский исследователь сделал совершенно конкретный вывод: опираться на систему Филипа следует с поправками Ф.Р.Ходсона и других ученых; датировать границы между хронологическими фазами необходимо в среднем на четверть века раньше, чем предлагал Я.Филип (Woźniak 1970:39). Эта позиция подтверждена им и в другой работе (Woźniak 1974:7-10, прим.7). Затем, З.Возньяк определенно указывает, что фибулы варианта А и расчлененные среднелатенской схемы исчезают до наступления фазы Латена D, подчеркивая всеми ссылками их характерность именно для Латена С (Woźniak 1974:158), а точнее для Латена С₁ (Woźniak 1979:132).

Также датирует появление упомянутых фибул в губинской группе ясторфской культуры Г.Доманьский, приводя вполне убедительные аргументы и ссылки на современные исследования (Domański 1975:15-17), обойденные вниманием А.М.Обломского (1983:114). О том, что эти типы фибул, точнее их поздние варианты, еще встречаются в Латене С₂ и доживают до Латена D, исследователи не спорят (Woźniak 1974:158; Domański 1975:16,17; Godłowski 1977), но это спорадические случаи, а не "наиболее вероятное время их существования в Чехословакии и Польше" (Обломский 1983:114). Вывод А.М.Обломского о массовом распространении фибул типа А в Латене С₂ - первой фазе Латена D (Обломский 1983:115) совершенно не обоснован: хронологическая позиция этих застезек, как и расчлененных, всеми исследователями определяется достаточно однозначно - они являются ведущей формой последнего горизонта кельтских могильников в Чехии, Моравии, Словакии, Румынии, Венгрии, соответствующего фазе Латена С₁(С_{1b}); в фазе С₂ кельтские могильники в этих регионах исчезают. Для этой фазы, хорошо представленной на швейцарских, рейнских и югославских могильниках, а также в оппидах, характерны фибулы среднелатенской схемы, близкие варианту В Костшевского, тип Мётчвиль по Ходсону, типы Айхлох, Бинген-Ханхейм по Поленцу и другие (Hodson 1968:38-40; Polenz 1971:34-36, Abb.58,59; Benadik 1978:405-415, 1977:19; Meduna 1980:113,114,145-151; Čížmař 1970:572, 1975:432, 1989:109; Zachar 1977:60-62; Vujna 1983:325,339-344, Abb.4; Todorović 1968:51-54; Waldhauser 1987:35-38, Abb.3,4).¹

Естественно, что изменения в латенской хронологии вновь привели к ревизии хронологии зарубинецкой культуры. Появилась обоснованная возможность снизить даты ранних типов фибул и, быть может, решить спорную проблему хронологического соотношения могильников и поселений (Каспарова 1978, 1981).

По мнению Е.В.Максимова (1982:23,24) необходимость выделения на Среднеднепровских могильниках бесфибульной фазы отпала и исследователь, признав свою прежнюю идею труднодоказуемой версией, принял для расчлененных фибул зарубинецкой культуры наиболее ранние датировки их аналогов в юго-восточном латенском регионе рубежом III/II вв. до н.э., ссылаясь на В.Зирру, который относил некоторые фибулы с шариками и восьмерками, в основном, к Латену С₁ и к началу С₂ (Zirra 1971:171-238, Abb.3,8,23). Вопрос о северопричерноморском источнике для фибул зарубинецкой культуры Е.В.Максимовым больше не поднимался.

С.П.Пачкова, опираясь на ряд современных датировок, полагает, что расчлененные фибулы теоретически могли попасть к зарубинецкому населению в конце III в. до н.э. По ее мнению, первый период зарубинецкой культуры полностью совмещается с Латеном С и с фазой А1 пшеворской культуры (Пачкова 1991:67,69). Подобное соотношение не совсем отвечает имеющимся данным, и, скорее всего, - недоразумение, ибо С.П.Пачковой не может быть неизвестно об отсутствии среди зарубинецких фибул тех форм, которые соответствуют раннему отрезку фазы С латенских

¹ Попутно внесем коррективы в определение А.М.Обломским некоторых фибул зарубинецкой культуры: к типу 2 варианта П1 отнесены 4 фибулы, но две из них (Велемичи I, погребение 88 и Велемичи II, погребение 104; Обломский 1983:табл.1) в действительности имеют треугольный конец ножки, то есть они относятся совсем к иному типу (Кухаренко 1961:табл.21:4; Каспарова 1972:84, рис.18:4). Поэтому неверны сопоставления экземпляра из погребения 104 как с вариантом А Костшевского, так и с типом В1А Бжоны, и ошибочны вытекающие отсюда выводы (Обломский 1983:113, рис.1:3,8; 2:3,9). См.рис.7:5.

памятников, также как и самых ранних типов, выделенных в пшеворе (Vujna 1982: Abb.4; Polenz 1978: Abb.5; Dąbrowska 1988:16-21, гус.2, zestawienie 1). Следовательно, полного совмещения никак не получается. Ни Е.В.Максимов, ни С.П.Пачкова не дают сравнительного анализа зарубинецких фибул и их конкретных юго-западных европейских аналогов, принимая для первых общие датировки появления латенских расчлененных фибул. Это позволяет сблизить даты зарубинецких могильников по фибулам и поселений Среднего Поднепровья по амфорным клеймам, что особо подчеркивают оба исследователя.

Е.В.Еременко синхронизирует несколько зарубинецких погребения с фазой Латена C_{1b}, которую датирует 225-190 гг. (Еременко 1990:13) или 220-190 гг. (Абезгауз, Еременко и др. 1992:36,37,51), и относит их к "добалканской" фазе зарубинецкой культуры, где не представлены фибулы с треугольным щитком (зарубинецкого типа) (рис.3:15-18,23-25), происхождением связанные с копьевидными балканскими фибулами (рис.3:19-22,26,27) и с историческими походами бастарнов в Иллирию в 179-168 гг. Выделение первой фазы, относящейся ко времени до этих событий, продемонстрировано на могильнике Воронино, исследованном корреляционным методом с использованием кластерного метода типологии керамики (Абезгауз, Еременко и др. 1992). В результате разработок оказалось, что фаза I датирована фибулами варианта В Костшевского из погребения 17 (рис.3:9) и 39; фаза II - такими же фибулами (рис.3:8) и фибулами зарубинецкого типа I и II/III вариантов (погребение 4 и 48) (рис.2:17), а расчлененная восьмеркообразная фибула из погребения 25 (рис.2:10) попала лишь в фазу III (Абезгауз, Еременко и др. 1992:47-49, рис.5; 6:4,5,45,46,49,60). Появление в зарубинецкой культуре фибул с треугольным щитком наиболее вероятно после балканских событий и это сомнений не вызывает. Их отсутствие в фазе I, по мнению вышеупомянутых исследователей, определено корреляционной последовательностью в незыблемости которой они твердо уверены. Поэтому фаза I отнесена ими к периоду 180-170 гг. Однако, возражение вызывает не только определение этого периода в рамках 220-190 гг., но и несоответствие хронологического ряда фибул могильника Воронино, по сравнению с другими зарубинецкими памятниками, и с общепризнанной относительной хронологией этих типов фибул. Для обоснования принадлежности фибул варианта В к ранней фазе латенизированных культур В.Е.Еременко ссылается на пшеворские материалы и могильник Любошице губинской группы ясторфской культуры, где некоторые экземпляры этого типа происходят из ранних пшеворских погребений и II фазы могильника Любошице. Т.Домбровская, рассматривая хронологические индикаторы I фазы (A₁) пшеворской культуры, выделяет среднелатенские фибулы вариантов А и В с ранними признаками: длинные орнаментированные и неорнаментированные с плоской спинкой, со скрепой, помещенной в ее средней части, с относительно длинной ножкой, и более поздние варианты А и В - короткие с плоской или более выгнутой спинкой и относительно короткой ножкой (рис.3:11-13). При этом подчеркивается, что фибулы с ранними признаками (особенно с несколькими), связанные с формами Латена C₁ в пшеворе единичны, а преобладают в фазе A₁ фибулы поздние, типичные для Латена C₂. Поэтому фазу A₁ пшеворской культуры Т.Домбровская синхронизирует лишь с поздней частью фазы C1(C1b) и, в основном, с фазой C₂ (Dąbrowska 1988:16-21,27,28,55,56, гус.2, zestaw.1).

То же самое происходит в губинской группе: фибулы варианта В (рис.3:14) Г.Доманьский (1975:17-19, гус.3, tabl.XVg, XVIg) помещает в фазу III, как типичные для Латена C₂, несмотря на два комплекса, где они сочетаются с вещами предыдущей фазы. В.Е.Еременко для датировки фибул из Воронино ссылается именно на один из этих комплексов (Любошице, погребение 153), определяющий лишь время возникновения этих форм, но не период их распространения. Думаю, что с точки зрения хронологической последовательности фибул ничем не оправдано отнесение погребений 17 (рис.3:9) и 39 с фибулами типичного варианта В к фазе I и совмещение ее с фазой Латена C_{1b}. Одновременно вызывает возражение определение позиции фибулы из погребения 4 (рис.2:17) фазой II, ибо сочетание в ней признаков фибул раннезарубинецкого типа (маленький треугольный конец ножки) и расчлененных (шарикообразное утолщение) позволяет отнести ее к ранним фибулам зарубинецкой культуры; именно она более обоснованно датирует фазу I в Воронино, чем фибулы варианта В. Но тогда уже трудно эту фазу назвать "добалканской". Полагаю также, что несколько завышена позиция погребения 25, попавшего в фазу III, в котором находились фибулы расчлененная "восьмерками" и варианта В вместе с миской относительно поздней формы (рис.2:10; 4:4,6,10). Подобное сочетание, скорее всего, соответствует фазе II. Допускать бытование расчлененной фибулы этого типа еще позднее, в фазе, синхронной Латену D₁, нет достаточных

оснований. Неубедительно объяснение этих несоответствий требованиями примененного метода - закрадывается сомнение в его объективности.

Наличие "добалканской фазы" по-моему не находит надежной поддержки и в предложенном исследовании могильника Корчеватое (Абезгауз, Еременко и др. 1992:49-53). Во-первых, хронологические индикаторы фазы I - фибулы варианта В - по своим признакам не отличаются от характерных форм Латена С₂ и синхронизация комплексов этой фазы с Латеном С_{1b} неубедительна. Погребения с фибулами варианта В и с фибулами зарубинецкого типа могут относиться к одной фазе: эти формы встречаются в одних комплексах (Велемичи I, погребение 60; Отвержичи, погребение 31; Пирогов, погребение 150). Во-вторых, отсутствие здесь типологии керамики привело к несколько произвольному выбору форм, характеризующих фазы. Например, к хронологическому индикатору 8 отнесены явно разные типы горшков: бикошический из погребения 2 и округлобокий из погребения 26 (Абезгауз, Еременко и др. 1992:7-16; Самойловский 1959:табл.П,44; V,97). Сосуды хи-5 и 6 по профилировке тулова едва различимы, но и судить о полной форме хи-5 нельзя: у обоих горшков (погребения 25 и 26) утрачены горловины с венчиками (Абезгауз, Еременко и др. 1992:рис.7:5,6,16; Самойловский 1959: табл.V,94,96); в погребении 4 нет горшка формы хи-7, а в таблице совстречаемости индикаторов в ряде погребений (4,7,51 и др.) учтены не все сосуды, входящие в комплексы, причем, исключены и весьма выразительные (Абезгауз, Еременко и др. 1992:рис.7:16; 8). Это тоже дает повод предполагать о возможности построения на этом материале другого хронологического ряда, а значит возможны и другие конечные результаты.

Нельзя согласиться с датировкой ранней фазы могильника Чаплин, исследованного теми же методами, что и Воронино (Еременко, Журавлев 1992:55-79). Фаза I мужских погребений по фибуле варианта В (погребение 142) (рис.5:29) и фаза I женских погребений по фибулам зарубинецкого типа синхронизированы с Латеном С₂ и датированы 180-120 гг. до н.э. Предполагается, что могильник был заложен в середине или конце II в. до н.э. Возражения вызывают не столько значительная разница в определении нижней даты Чаплина и Воронино (они действительно не вполне синхронны), сколько установление позиций фибул варианта В из этих памятников: чаплинская по типологическим признакам (длина 11,7 см, довольно пологая спинка и длинная ножка, 4,6 см) (рис.5:29), явно более ранняя, чем воронинские (рис.3:8,9). Первая относится к числу нескольких фибул из зарубинецких памятников (среди известных мне - девять), которые по признакам, отмеченным Т.Домбровской, Х.Поленцем и другими исследователями (Dąbrowska 1988:16-21; Polenz 1978:188, Abb.5) могут быть выделены как более ранние среди прочих близких варианту В, хотя их сопоставление как с пшеворскими, так и с латенскими достаточно условно: в сущности, ни в одном экземпляре нет комплекса признаков, присущего фибулам Латена С₁. Наши фибулы довольно длинные (8,5-11 см, одна - 13,6 см), неорнаментированные, или с небольшими насечками, но спинки не плоские и пологие, в а той или иной степени выгнутые, ножки значительно короче длины спинки, скрепы помещены у головки (рис.3:8-10; 6:6). Лишь два экземпляра (Чаплин, погребение 142; Велемичи II, погребение 80, рис.5:29; 4:1) по относительно пологой спинке условно можно обозначить как вариант А/В (Поболь 1973: рис.44:12; 60:2; 70:15; Кухаренко 1961: табл.9:1; 18:12; 19:8; 39:5,6; Каспарова 1972: рис.12:6). Известны еще две маленькие (6,5 и 7 см) фибулы с плавным изгибом выгнутой спинки (рис.4:16), напоминающие короткие фибулы варианта А, которые относятся к фазе А₂ пшевора (Латен С₂) (Dąbrowska 1988:21, рис.2; Каспарова 1969:рис.15:2; Кубишев, Скиба 1989:рис.5:6). Совершенно очевидно, что основная масса упомянутых зарубинецких фибул соответствует Латену С₂; возможно, некоторые появились раньше других, но в том же периоде относительной хронологии. Таким образом, нет никаких оснований датировать фибулу из погребения 142 фазы I Чаплина позднее, чем фибулы фазы I Воронино - в целом они одновременны и относятся к Латену С₂, но типологически чаплинская даже более ранняя.

Мне представляется, что попытка связать возникновение могильника Чаплин с письменными данными 145-120 гг. о кимврах и кельтоскифах (Еременко, Журавлев 1992:78) бесспорного подтверждения в его хронологии не находит. Также как на материалах могильников Воронино, и, тем более, Корчеватое, выделение "добалканской" фазы выглядит несколько искусственно.

Рассмотрим еще раз конкретные фибулы, на датировке которых держится нижняя дата зарубинецкой культуры. Речь идет, главным образом, о трех расчлененных фибулах среднелатенской схемы. Одна из могильника Велемичи I, погребение 108, железная, длиной около 5 см. с двумя шариками, расположенными на конце ножки и на ее средней части; пружина шестивитковая, тетива верхняя; переход от спинки к ножке угловатый, а соотношение их длины почти равное (рис.2:1).

Исследования: отсюда выводим (Самойловский 1967:113, рис.1:3,8; 23,9). См.рис.7,5

Среди фибул с шариками, которые, в основном, крупные, для сравнения с нашим экземпляром интересна фибула из вышеупомянутого могильника Ведерат, погребения 96, датированного дендрохронологией 208 г. до н.э. (рис.2:7). По ряду деталей фибулы сходны, но кельтская отличается более длинной ножкой - признаком, характерным для фибул фазы Латена C₁. В памятниках Карпатской котловины, относящихся по хронологической схеме И.Буйны к фазе C_{1a}, представлены те варианты расчлененных фибул, которых нет в зарубинецкой культуре. Среди фибул фазы C_{1b} нашей близок тип 30 по И.Буйне. В основном это длинные фибулы, с полой спинкой, удлиненной ножкой, но есть и короткие экземпляры, однако и у них ножка более длинная (Vuĵna 1982:336, Abb.4; Todorović 1972:tabl.XII:7; Vizdal 1976:Abb.5:2,3; Benadić 1977:Abb.5:4,13) (рис.2:6,8). Зарубинецкие фибулы с шариками находят наиболее близкие аналогии среди фибул ясторфской культуры, особенно в бранденбургской и губинской группах (рис.2:2,3,5). Х.Зайер относит их к ведущим формам его ступени PBI (рис.2:5), соответствующей Латену C₂. Ранние типы этих фибул появляются еще на ступени Pa, но сочетающиеся с фибулами, у нас отсутствующими (Seyer 1982:17-19, Taf.14:3, 16:4,6,7, 17:4,23,24; Reinbacher 1963:Taf.51 Cg 466, c; 53 Ch 392, c; Müller 1985:37-39, Taf.27:5). На могильнике Каммер фибулы с шариками представлены во второй временной группе, а в сочетании с вариантом B - в третьей (Nachtmann 1961:91, Abb.31); в одном из погребений Наумбурга фибула этого типа (близкая зарубинецкой) находилась вместе с фибулой варианта C (Speher 1968:Abb.13:3-6), и этот комплекс отнесен Р.Мюллер к Латену D₁ (Müller 1985:Abb.13). Аналогичные застежки в губинском могильнике Любошице сочетаются с вариантом A в фазе II, датированной рубежом III/II - серединой II вв. до н.э., и встречаются вместе с вариантом B в следующей фазе, во второй половине II в. до н.э. (Domański 1975:15-17,86-92, гус.2, zestaw. po s.104, tabl.X.c; XIV,c,k,l; XVI,b). В меньшей степени, но тоже сходны с нашим экземпляром некоторые фибулы (рис.2:4) I фазы поенешти-лукашевской культуры, которую М.Бабеш синхронизирует с Латеном C₂ (Babeş 1985:195,206, fig.7, тип II var.5c).

Напомним, что в зарубинецком погребении 108 (урновом) вместе с интересующей нас фибулой находились мисковидный сосуд с граненым венчиком и иксовидной ручкой и горшок с высокой горловиной, с округло-биконическим туловом, украшенным полосами гребенчатых расчесов. Комплекс дополняли миска на поддоне, пободная кельтским, и кольцо, видимо, поясное (Кухаренко 1961: табл.22:11,15,20,21,24). (рис.4:11-15). Мисковидные сосуды такого типа в памятниках ясторфского круга встречаются с фибулами с шариками, с вариантами A и D/E. В губинской группе они наиболее характерны для фазы III, а в поенешти-лукашевской для фазы II. Форма горшков с высокой горловиной восходит к лужицкой культуре, повторяется в раннем Ясторфе и, реже, на стадии Рипдорф. Этот тип сосудов широко представлен и в поморско-клевшевой культуре в течение всего периода ее существования. Также привлекает внимание орнамент на сосуде из погребения 108 (рис.4:15), характерный для ясторфской керамики, в том числе, бранденбургской группы, а ближайшая аналогия - на урне такого же типа из погребения 105 могильника Поенешти, где находилась и фибула с шариками (Vulpe 1953: fig.160,177,209,243,324 и др.; Babeş 1985:201,202, fig.4.1,III d; Domański 1975:37, tabl.VII.d; IX,g; XIII, i; XIX,c; zestaw. po s.104; Seyer 1982: 13:2, 23:27, 34:3 и др.; Müller 1985: Taf.55:10, 98:4, 108:20-25; Marschalleck 1927:Abb.10:9, Taf.33:43; Reinbacher 1963: Taf.10, A239; 21, Bd469; A249; 29, Bf387 и др.; Каспарова 1976:рис.15, 1981:рис.7:11,15,17,25, 8:1,8,12,15,18,19).

Таким образом, этот комплекс, уникальный для зарубинецкой культуры, по сочетаемости вещей дает не только надежную датировку - скорее всего, отрезок времени, синхронный началу Латена C₂, но и свидетельствует о характере этнокультурных компонентов в период формирования полесского варианта культуры.

Вторая из рассматриваемых фибул, из погребения 25 могильника Воронино. Она бронзовая, длиной 5,6 см, с двумя восьмеркообразными петлями на спинке, которую обвивает конец ножки. Спинка равномерно изогнута с довольно резким переходом к ножке, длина которой меньше длины спинки; тетива верхняя, пружина восьмивитковая (рис.2:10). В этом же погребении находилась фибула варианта B Костшевского и миска, форма которой не характерна для ранних зарубинецких погребений (Кухаренко 1961:табл.40:15) (рис.4:3-10).

Третья фибула, аналогичная описанной, из погребения 26 Пироговского могильника, отличается большим размером - 8,6 см, и еще более короткой ножкой, длина которой в 2,5 раза меньше спинки (рис.2:9). Погребение сопровождалось миской с загнутым внутрь краем венчика (рис.6:9,10), так называемой "скифоидной" (Максимов 1982:63, табл.XIII,3), хотя аналогичные ей распространены в поморско-клевшевой и ясторфской культурах, в кельтских памятниках; их хронологический диапазон достаточно широк для установления точной даты (Domański 1975:42,

Tabl.XII,b; VII,g,h; VIII,g; Müller 1985: Taf.26:10-12; 50:4-7; Speher 1968:Abb.13:3-6; Filip 1956:211-212, Tabl.CV:8; CXII:23; Mycielska, Woźniak 1988; tabl.I,7; II,5). Для обеих фибул с "восьмерками" абсолютные аналогии в латенских памятниках мне неизвестны.² Вероятно, они местного производства, ибо химический состав металла воронинской не отличается от общей массы зарубинецких изделий из оловянно-свинцовых бронз.³ У большинства из известных нам фибул этого типа из кельтских памятников (рис.2:11-16) "восьмерки" расположены на конце ножки (24 экз.) и лишь у восьми, из разных регионов, петли помещались на спинке, как у фибул из Воронино, Пирогово. В свое время у меня сложилось впечатление, что расположение "восьмерок" на спинке у среднелатенских фибул может рассматриваться как относительно ранний признак, ибо подобным образом украшались многие раннелатенские и гальштадские застёжки (Каспарова 1978:81-82). То же самое позднее отметила С.П.Пачкова (1991:67). Представление это, скорее всего, ошибочное, поскольку известны среднелатенские фибулы с восьмеркообразными петлями как на конце ножки, так и на спинке, происходящие из достоверных комплексов (могильник Ижковицы, погребения 16 и 17, Чиумешти, жилище и погребение 1) (рис.2:11,13,15), датированных фазой Латена C1a (Vujna 1982:335,343, Abb.4, Tabelle 3; Zirra 1967:16,58, Fig.28:M1/II, Bordei B/1962; Vizdal 1976: obr.33:6; 34:2).

Сомнение вызывает погребение 5 из могильника Небойса, отнесенное Й.Буйной к фазе B2a, в котором фрагментированная среднелатенская фибула с "восьмеркой" на спинке находилась вместе с фибулой раннелатенской с пластическим орнаментом, поздними духцовскими фибулами и раннелатенскими браслетами (Chropovský 1958: Tabl.III,1-15). Такое сочетание вещей разных стилей, от Латена B2a до C1, позволяет предполагать, что здесь представлены находки из разновременных погребений (Чеботаренко, Щербакова, Шукин 1987:243,244), или здесь редкостная комбинация украшений, которую можно предположить для переходной фазы B2/C1 (как характеризовал этот комплекс Б.Бенадик).

Из сказанного следует, что расчлененные фибулы из зарубинецких погребений по ряду признаков, на которых акцентируют внимание исследователи, рассматривая отличительные черты фибул Латена C1 и C2 (соотношение длины ножки и спинки, изгиб спинки и степень ее наклона к ножке, создающие профиль фибулы, и другие детали) ближе к формам Латена C2, чем C1 (Polenz 1978:188, Abb.5; Dąbrowska 1988:16-21, сл.) (рис.3:11-14), и тем более не соответствуют фибулам фазы C1a по схеме Й.Буйны, хотя именно к этому периоду отнесены многие фибулы с "восьмерками", по другим признакам не сопоставимые с нашими (Vujna 1982:335, Тур 27, Abb.4). Последние по общей профилировке ближе типам фазы C1b, но отличаются от них пропорциями. Комплексы, из которых происходят наши фибулы, тоже не позволяют бесспорно отнести их к фазе C1b. Значительно больше данных для датировки фазой C2. Ю.В.Кухаренко и А.К.Амброз были правы в оценке зарубинецких фибул как более развитых и поздних, по сравнению с кельтскими.

Из зарубинецких могильников происходят несколько бронзовых фибул представляющих собой дериваты или разновидности расчлененных с характерными признаками фибул стиля Латена C2: в погребении 105 Велемичи II находилась фибула на конце ножки которой имитированы мелкие шарики (рис.7:10), в погребении 4 Воронино - фибула с бусинообразным утолщением и треугольником на конце ножки (рис.2:17); фибула из погребения 149 Пироговского могильника имеет две небольшие выпуклости в нижней части ножки. Фибулу из погребения 129 того же памятника я бы сейчас воздержалась определять как типично расчлененную (Каспарова 1978:82; Пачкова 1991:67): у нее утолщенная спинка, расширенный конец ножки с широкой скрепой и на нижней части ножки два бусинообразных шарика (рис.3:1). Она в известной мере напоминает тип Мётчвиль - ведущую форму Латена C2 (рис.3:7), или его вариации того же времени (рис.3:2-6) (Hodson 1968:38; Polenz 1971:35; 1978:Abb.5:6,10; Meduna 1980:144,150,151; Marović 1960: sl.10:1,3; Marić 1968:Taf.VIII:19; XIII,36).

При определении хронологии расчлененных фибул и их дериватов из зарубинецкой культуры необходимо учитывать, что с ними генетически связаны фибулы с треугольным концом ножки (зарубинецкого типа) (Амброз 1966:16). Известны гибридные экземпляры, на которых сочетаются треугольник и различные вариации шаровидных утолщений, или восьмеркообразных петель (рис.2:17,19-21) (Truhelka 1901:sl.5; Marić 1968:tabl.X:34; Basler 1969:tabl.XVIII:90/3,4; 91/3; Polenz 1978:

² Наиболее близки им фибулы из трупосожжения в скифском кургане в Волковцах, Сумской области, насколько можно судить по не слишком четкому изображению (Ханенко 1900:8-9,15, табл.XLIV,355,356; Амброз 1966:14).

³ Приношу благодарность Т.Б.Барцевой за информацию о результатах анализов серии предметов из зарубинецких памятников. Фибула из Пирогова, насколько мне известно, не исследовалась.

Abb.6:3; Игнатов 1986: рис.2:3). Об одновременности расчлененных и ранних фибул зарубинецкого типа свидетельствуют комплексы из погребений 105, Велемичи II и 741, Холиаре, где они сочетались (рис.2:6,18; 7:10,11) (Каспарова 1972:рис.18:1,5; Venadiк 1977:Abb.5:3,4). Ранняя дата фибул зарубинецкого типа не вызывает сомнений. Она обоснована их происхождением от балканских копьевидных, которые встречаются в могильниках кельтов-скордисков, иллирийцев-яподов и автаритов, где их разновидности датируются от конца III - начала II вв. до н.э. до начала I в. н.э. Их образцы могли попасть в среду складывающейся зарубинецкой культуры в период походов бастарнов в Македонию в 179-168 гг., где они контактировали со скордисками и их соседями иллирийцами (Каспарова 1977,1978). Участие бастарнов в формировании зарубинецкой культуры подтверждается присутствием в ней элементов культур ясторфского круга, и особенно, близостью с поенешти-лукашевской культурой (Каспарова 1981; Еременко 1990). Последняя возникла в результате миграции ясторфских групп с северо-запада на земли древней Дакии, племен, среди которых находились исторические бастарны (Babeş 1985).

Итак, пути попадания прототипов фибул зарубинецкого типа в Полесье и Поднепровье вполне реальны. Ранние варианты этих фибул уже в "зарубинецком облике" (рис.5:5,13,15,17,22,23,25; 7:1,2,5,11,15) определяют первые фазы могильников наряду с рассмотренными выше расчлененными и фибулами ранних вариантов В или А/В (рис.4:1,4,11; 5:29; 6:1,9; 7:10). Думается, что "отрывать" эти типы фибул друг от друга не следует. В целом комплексы погребений с фибулами этих типов по чертам обряда, формам керамики и другим находкам не отличаются (рис.4-7), несмотря на то, что в некоторых погребениях с фибулами, расчлененными и варианта А/В, были необычные типы сосудов, отсутствовал стандартный набор керамики. Считать эти особенности ранними признаками оснований нет, ведь такие же необычные черты характеризуют и погребения с зарубинецкими фибулами. Все эти фибулы определяют один хронологический горизонт, в котором, возможно, выделяются несколько погребений более ранних, но уловить их разницу во времени, вероятно очень небольшую, пока не удастся.

Таким образом, анализ ранних типов фибул из зарубинецких могильников показывает, что по определяющим признакам они соответствуют формам фазы Латена C₂, начало которой относится к 185/170 гг., и эти даты близки времени реальных возможностей проникновения в ареал зарубинецкой культуры исходных форм одной из групп этих фибул - зарубинецкого типа, то есть периоду походов бастарнов на Балканы в 179-168 гг. Под именем бастарнов, скорее всего, скрывался союз племен смешанного характера; вероятно, они привнесли и кельто-иллирийские элементы, и черты культур широкого ясторфского круга, - основные "чужеродные" компоненты в зарубинецкой культуре по-разному представленные в ее локальных вариантах.

В заключение уточним еще раз ранние даты последних: формирование полесского и среднеднепровского вариантов, судя по основным хронологическим индикаторам - фибулам, приходится на начало Латена C₂, скорее всего, после 180-170 гг.; верхнеднепровский (рис.5) возникает, по-видимому, немного позднее, но в пределах той же фазы культуры, которую диагностируют местные расчлененные фибулы, I/II вариант зарубинецкого типа и вариант А/В Костшевского. Предлагаемая датировка, основанная на фибулах из могильников, расходится с датой поселений Среднего Поднепровья (рис.6), откуда происходят фрагменты амфор, одна из которых (городище Пилипенкова Гора) по клейму с именем АΠΟΛΛΑΔΟΣ, датирована Б.Н.Граковым 230-220 гг. (Максимов 1982:40). На могильниках никаких вещей столь раннего времени не обнаружено, совместно амфоры и фибулы нигде не встречены, хотя на поселениях присутствует керамика однотипная погребальной. Считается, что раннему периоду поселений соответствуют чернолощенные горшки и миски с 2-3 гранями на внутренней стороне венчика, а также нелощенные горшки-корчаги (Максимов 1982:45-47,51,64-67) (рис.6:2,5,7,14). Но до тех пор пока не представлены конкретные типы этой керамики и не приведены комплексы из поселений, где она сочетается с хорошо датированными амфорами, нет и убедительных оснований для таких синхронизаций. В погребениях горшки и миски этих ранних типов встречены с фибулами, характерными для Латена C₂ (Кубишев, Скиба 1989:рис.4:22,38; 5:1,7,8). Пока невозможно вычлениить на могильниках хронологический пласт синхронный дате поселений по упомянутому клейму. Думаю, что на сегодняшний день этот хронологический разрыв удовлетворительных объяснений не находит. Гипотетически можно предположить, что 2-3 погребения были оставлены до балканских событий представителями групп "ясторфцев" из ареала поенешти-лукашевской культуры или населения из кельтских областей юго-

восточной Европы. Даже если условно принять эту версию, совершенно ясно, что несколько погребений лишь приблизят даты могильников и поселений, но не заполнят лакуну между ними.

Определение нижней границы зарубинецкой культуры обычно связывается с поздней датой предшествующих памятников. Однако, даже принятие самой ранней ее даты (конец III в. до н.э.) сохраняет разрыв в Среднем Поднепровье с культурой скифов-пахарей, поздняя дата которой - начало III в. до н.э. [Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989:41,101-135]. Отдельные "скифские" элементы не решают проблемы генетического родства, на чем настаивают украинские исследователи (Максимов 1982:155, сл.).

В памятниках Полесского варианта (рис.4,7) явно прослеживаются черты поморско-клевшевой культуры в керамике и обряде. Ее верхняя дата по духцовским фибулам - Латен В₁ (В_{2а}?) - не позднее начала III в. до н.э. (Woźniak 1979). Но благодаря новой находке фрагмента среднелатенской (?) фибулы на Волини, возможно, удастся ликвидировать разрыв с зарубинецкой культурой, тем более, что подобные фибулы известны в трех поморских комплексах в Польше (Dąbrowska 1988:17).

Верхняя граница предшествующей милоградской культуры в Верхнем Поднепровье тоже спорна: по набору вещей с широкими датами - II- первая половина I вв. до н.э. (Рассадин 1989:7) или по рубчатым браслетам не позднее начала III в. до н.э. (Еременко 1990:5). Некоторые сходные элементы в обряде и орнаментации керамики позволяют предполагать лишь незначительный вклад милоградской культуры в сложение зарубинецкой. Проблема происхождения зарубинецкой культуры - тема специальная и дискуссионная, на которой здесь остановиться невозможно, хотя она вплотную связана с вопросами хронологии (Каспарова 1981; Еременко 1990).

- АБЕЗГАУЗ, Г.Г., В.Е.ЕРЕМЕНКО, В.Г.ЖУРАВЛЕВ, С.Ю.КАРГАПОЛЬЦЕВ. 1992. К вопросу о ранней дате могильников зарубинецкой культуры // Проблемы хронологии Латена и Римского времени: 34-55. С.-Петербург.
- АМБРОЗ, А.К. 1966. Фибулы юга Европейской части СССР // Свод археологических источников Д-1-30. Москва:Наука.
- ДАШЕВСКАЯ, О.Д., Б.Ю.МИХАИЛ. 1983. Четыре комплекса с фибулами из Беляусского могильника // Советская археология 3:129-147.
- ЕРЕМЕНКО, В.Е. 1990. Процесс латенизации археологических общностей позднего предримского времени Восточной Европы и сложение зарубинецкой культуры. Автореф.дисс. ... канд.ист.наук. Ленинград.
- ЕРЕМЕНКО, В.Е., В.Г.ЖУРАВЛЕВ. 1992. Хронология могильника Чаплин верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры // Проблемы хронологии эпохи Латена и Римского времени:55-79. С.-Петербург.
- ИГНАТОВ, В.Н. 1986. Катакомбы сарматского времени из курганов у ст.Хоперская // Краткие сообщения Института археологии 186:66-69.
- КАСПАРОВА, К.В. 1969. Могильник и поселение у дер.Отвержичи // Материалы и исследования по археологии СССР 160:131-168.
1972. Зарубинецкий могильник Велемичи II // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 14:53-111.
1976. Новые материалы могильника Отвержичи и некоторые вопросы относительной хронологии зарубинецкой культуры Полесья // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 17:35-66.
1977. О фибулах зарубинецкого типа // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 18:68-78.
1978. Некоторые типы фибул зарубинецкой культуры (к вопросу о ранней дате и юго-западных связях) // Проблемы археологии 2:79-89. Ленинград.
1981. Роль юго-западных связей в процессе формирования зарубинецкой культуры // Советская археология 2:57-79.
1984. Зарубинецкая культура в хронологической системе культур эпохи Латена // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 25:108-117.
1989. Припятское Полесье на рубеже эр (по материалам Белорусско-Полесской экспедиции) // Итоги археологических экспедиций Государственного Эрмитажа:89-102. Ленинград.
- КАСПАРОВА, К.В., Д.А.МАЧИНСКИЙ, М.Б.ПУКИН. 1976. рецензия на книги: А.Д.Поболь. Славянские древности Белоруссии. Минск. 1971,1973,1974 // Советская археология 4:241-253.
- КОВПАНЕНКО, Г.Т., С.А.БЕССОНОВА, С.С.СКОРЫЙ. 1989. Памятники скифской эпохи Лесостепного Правобережья. Киев:Наукова думка.
- КУБИШЕВ, А.И., А.Е.СКИБА. 1989. Пирогівський могильник // Археологія 2:83-95. Киев.
- КУХАРЕНКО, Ю.В. 1960. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры // Советская археология 1:289-300.

1961. Памятники железного века на территории Полесья // Свод археологических источников Д I-29. Москва:Наука.
1964. Зарубинецкая культура // Свод археологических источников Д 1-19. Москва:Наука.
- МАКСИМОВ, Е.В. 1969. Хронология древностей зарубинецкой культуры // Материалы и исследования по археологии СССР 160:17-24. 1972. Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры. Киев:Наукова думка. 1982. Зарубинецкая культура на территории УССР. Киев:Наукова думка.
- МАЧИНСКИЙ, Д.А. 1963. О хронологии некоторых типов вещей зарубинецкой и одновременных ей культур // Краткие сообщения Института археологии 94:20-28.
1966. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры // Краткие сообщения Института археологии 107:3-9.
- ОБЛОМСКИЙ, А.М. 1983. О хронологии некоторых типов фибул зарубинецкой культуры // Советская археология 1:103-120.
1990. Периодизация и характер развития зарубинецкого керамического комплекса Чаплинского могильника // Раннеславянский мир. Материалы и исследования:7-44. Москва.
- ПАЧКОВА, С.П. 1991. Методика хронологізації кераміки зарубинецької культури // Археологія 1:62-75.
- ПОВОЛЬ, А.Д. 1973. Славянские древности Белоруссии. Минск:Наука и Техника.
- РАССАДИН, С.Е. 1989. Милоградская культура (актуальные проблемы и исследования). Автореф.дисс. ... канд.ист.наук. Киев.
- САМОЙЛОВСКИЙ, И.М. 1959. Корчеватый могильник // Материалы и исследования по археологии СССР 70:61-93.
- ТРЕТЬЯКОВ, П.Н. 1970. У истоков древнерусской народности. Ленинград, 1982. По следам древних славянских племен. Ленинград:Наука.
- ЧЕБОТАРЕНКО, Г.Ф., Т.А.ЩЕРБАКОВА, М.Б.ЩУКИН. 1987. Два предмета римской эпохи из Молдавии // Советская археология 4:242-248.
- ЩУКИН, М.Б. 1991. Центральная и Восточная Европа на рубеже нашей эры. Автореф.дисс. ... докт.ист.наук. Ленинград.
- 1991а. Некоторые проблемы хронологии раннеримского времени (к методике историко-археологических сопоставлений) // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 31:90-106.
- BABEŞ, M. 1985. Date archeologice și istorice privind partea de nord-est a Daciei în ultimele secole înainte de erea noastră // Studii și cercetări de istorie veche și arheologie 34/3:183-214.
- BASLER, D. 1969. Nekropola na Velim ledinama u Gostilju (Donja Zeta) // Glasnik Zemaljskog Muzeja Bosne i Hercegovine u Sarajevu, NS XXIV:5-107.
- BENADIK, V. 1962. Chronologické vzťahy keltských pohrebisk na Slovensku // Slovenská archeológia X/2:341-396.
1977. Zur Datierung des jüngsten Horizontes der keltischen Flachgräberfelder im Mittleren Donauebiet // Symposium Ausklang der Latène-Zivilisation und Anfänge der Germanischen Besiedlung im Mittleren Donauebiet:15-31.
1978. Keltisches Gräberfeld in Mana // Slovenská archeológia XXVI/2:283-422.
- BUJNA, J. 1982. Spiegelung der Sozialstruktur auf Latènezeitlichen Gräberfeldern in Karpatenbedecken // Památky archeologické LXXIII/2:312-431.
- CHROPOVSKÝ, B. 1958. Laténske pohrebisko v Nebojsi, okr.Galanta // Slovenská archeológia VI/1:120-130.
- ČIŽMAR, M. 1970. Zur relativ-chronologischen Stellung des jüngsten Horizontes keltischer Gräberfelder in Mähren // Archeologické rozhledy 22:569-573.
1975. Relativní chronologie keltských pohřebišť na Moravě // Památky archeologické LXVI/2:417-437.
1989. Pozdne laténske osídlení předhradi Závist // Památky archeologické LXXX/1:56-116.
- DĄBROWSKA, T. 1988. Wczesne fazy przeworskiej. Chronologia-zasięg-powiązania. Warszawa:Państwowe wydawnictwo naukowe.
- DOMAŃSKI, G. 1975. Studia z dziejów środkowego Nadodrza w III-I wieku p.n.e. Wrocław, etc.:Ossolineum.
- DOMARADZKI, M. 1977. Tarcze z okuciami metalowymi na terenie Celtyki wschodniej // Przegląd archeologiczny 25:53-89.
- FILIP, J. 1956. Keltové ve střední Evropě. Praha:Československé Akademie Ved.
- GABROVEC, S. 1966. Srednjelatensko obdobje v Sloveniji // Arheološki Vestnik XVII:196-211.
- GODZŁOWSKI, K. 1977. Okres latenski w Europie. Kraków:Nakładem Uniwersytetu Jagiellońskiego.
1985. Przemiany kulturowe i osadnicze w południowej i środkowej Polsce w młodszy okresie przedrzymskim i w okresie rzymskim // Prace komisji archeologicznej 23. Wrocław, etc.
- HACHMANN, R. 1961. Die Chronologie der jüngeren vorrömischen Eisenzeit // 41. Bericht der Römisch-Germanischen Kommission 1960.
- HAFFNER, A. 1974. Zum Ende der Latènezeit im Mittelrheingebiet unter besonderer Berücksichtigung des Trierer Landes // Archäologisches Korrespondenzblatt 4:59-72.
1979. Zur absoluten Chronologie der Mitteltdtènezeit // Archäologisches Korrespondenzblatt 9:405-409.

- HODSON, F.R. 1968. The La Tène cemetery at Münsingen-Rain // *Acta Bernensia* 5. Bern.
- KRUTA-POPPI, L. 1975. Les Celtes à Marzabotto (Province de Bologne) // *Etudes Celtiques* 14:345-376.
1979. La sépulture de Ceretelo (Province de Bologne) et le faciès Boien du III-e siècle notre ère // *Etudes Celtiques* 19:7-25.
- LUDIKOVSKÝ, K. 1964. Akeramický horizont bohatých hrobu žen na Morave // *Památky archeologické* LV/2:321-345.
- MARIC, M. 1962. Vir kod Posušja // *Glasnik Zemaljskog Muzeja u Sarajevu* N.S. XVII:63-72.
1968. Japodske nekropole u dolini Une // *Glasnik Zemaljskog Muzeja u Sarajevu* N.S. XXIII:5-79.
- MAROVIC, J. 1960. Prahistorijski nalazi na području Solina // *Vjesnik za arheologiju i historiju Dalmatinsku* LXII:5-29.
- MARSHALLECK, K.H. 1927. Das Laténegräberfeld bei Cammer (Kr.Zauch-Belzig) // *Prähistorische Zeitschrift* 18 (3/4):212-249.
- MEDUNA, J. 1970. Das Keltische Oppidum Straté Hradisko in Mähren // *Germania* 48:34-59.
1980. Die Laténezeitlichen Siedlungen in Mähren. Praha:Academia.
- MÜLLER, R. 1985. Die Grabfunde der Jastorf- und Laténezeit an unterer Saale und Mittelelbe. Berlin: Veb Deutscher Verlag der Wissenschaften.
- MYCIELSKA, R., Z.WOŹNIAK. 1988. Cementarzysko wielokulturowe w Błoniu // *Materiały Archeologiczne* XXIV:5-326.
- POLENZ, H. 1971. Mittel- und spätlaténezeitliche Brandgräber aus Dietzenbach, Landkreis Offenbach am Main // *Studien und Forschungen, N.F.* 4:1-115.
1978. Gedanken zu einer Fibel von Mittellaténescema aus Kayseri in Anatolien // *Bonner Jahrbuch* 178:181-216.
1982. Münzen in Laténezeitlichen Gräbern Mitteleuropes aus der Zeit zwischen 300 und 50 v. Chr.Geburt // *Bayerische Vorgeschichtsblätter* 47:27-222.
- REINBACHER, E. 1963. Börnicke. Ein ältereisenzeitlicher Urnenfriedhof im Haveland, Teil 1 // *Schriften der Sektion für Vor- und Frühgeschichte* 14. Berlin: Akademie-Verlag.
- RIECKHOFF, S. 1975. Münzen und Fubeln aus dem Vicus des Kastells Hüfingen // *Saalburg Jahrbuch* XXXII:6-104.
- RYBOVA, A., P.DRDA. 1989. Hradiště de Stradonice - nouvelles notions sur l'oppidum celtique // *Památky archeologické* LXXX/2:384-404.
- SEYER, H. 1982. Siedlung und archäologische Kultur der Germanen im Havel-Spree-Gebiet in den Jahrhunderten vor Beginn u.z. // *Schriften zur Ur- und Frühgeschichte* 34.
- SHCHUKIN, M.B. 1989. Rome and the Barbarians in Central and Eastern Europe in 1-st century B.C. - 1-st century A.D. Oxford: British Archaeological Reports. International series 542.
- SHCHUKIN, M.B., V.E.EREMENKO. In press. Zur Frage der Datierung Keltischer Altertümer in Transkarpatengebiet der Ukraine und einige Probleme der Latene-Chronologie // *Acta archaeologica Carpatica*.
- SPEHER, E. 1968. Zwei Gräberfelder der jüngeren Latene- und frühesten römischen Kaiserzeit von Naumburg (Saale) // *Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte* 53:233-290. Halle.
- STÖCKLI, W.E. 1979. Die Grob- und Importkeramik von Manching. Die Ausgrabungen in Manching 8.
- TODOROVIC, J. 1968. Kelti u jugoistocnoj Evropi // *Dissertationes VII*. Beograd: Muzej grada Beograda.
1972. Praistorijska Karaburma I - nekropola mlaoteg gvozdenog doba // *Dissertationes et monographiae XIII*. Beograd: Muzej grada Beograda.
- TRUHELKA, Č. 1901. Resultati prehistoričkog istražvanja u Bosni i Hercegovini // *Glasnik Zemaljskog muzeja u Bosni i Hercegovini*, N.S. XIII:1-30.
- VIZDAL, J. 1976. Záchranný výskum Keltského pohrebiska v Ižkovciach // *Slovenská archeológia* XXIV/1:151-190.
- VULPE, R. 1953. Săpăturile dela Poienesti din 1949 // *Materiale arheologice privind istorica veche a R.P.R.*:213-506. Bucuresti: Akademie Republicii Populare Romania.
1955. Le problème des Bastarnes à la lumière des découvertes archéologiques en Moldovie // *Nouvelles Études d'Historiques présentées au X-e Congrès des Sciences Historiques*. Rome 1955. Bukarest:103-119.
- WALDHAUSER, J. 1987. Keltische Gräberfelder in Böhmen // *Bericht der Römisch-Germanischen Kommission* 68:27-180.
- WOŹNIAK, Z. 1970. Osadnictwo celtyckie w Polsce. Wrocław-Warszawa-Kraków: Ossolineum.
1974. Wschodnie pogranicze kultury lateńskiej. Wrocław etc.: Ossolineum.
1979. Chronologia młodszej fazy kultury pomorskiej w świetle importów i naśladownictw zabytków pochodzenia południowego // *Problemy kultury pomorskiej*:125-148. Koszalin: Wydawnictwo Muzeum Okręgowe w Koszalinie.
- ZACHAR, L. 1977. Die La Tène-Zeit in der Slowakei // *Keltske studije* 4:59-62.
- ZIRRA, V. 1967. Un cimitir celtic in nord-vestul Românie. Ciurmești I. Baia Mare: Muzeul regional Maramureș.
1971. Beiträge zur Kenntnis des Keltischen Laténe in Rumänien // *Dacia* XV:171-238.

K.V.KASPAROVA.

ON THE TIME OF THE ZARUBINTSY CULTURE ORIGIN.

Summary.

The discussion on the time of the Zarubintsy culture origin which has lasted for a long time, has not yet finished.

In the 1960-s Yu.V.Kukharensko, A.K.Ambroz, D.A.Machinsky and other scientists dated the origin of Zarybintsy sites from the 2nd half - the end of the 2nd century B.C. (Kukharensko 1960,1964; Machinsky 1963,1966) or the beginning of the 1st century B.C. (Ambros 1966). They based their conclusions on the chronology of fibulae of the Mid-La Tène design according to Ja.Philip and R.Hachmann. In their opinion, the fibulae excavated mainly at cemeteries are developed local versions of their Celtic prototypes. Considering Philip's dates as rather late ones E.V.Maksimov opposed the idea of using them (Maksimov 1969,1972). The scientist was inclined to establish the origin of the Zarubintsy Culture in the Mid-Dnieper area according to ancient amphorae (excavated only at settlement) among which an early fragment with a stamp dates from 220-230 B.C. The disagreement between the chronology of the cemeteries according to fibulae and that of the settlements according to antique imported articles was explained by the "fibulaeless stage" in the Zarubintsy Culture. A comparable stage in the Upper Dnieper was recognized by A.D.Pobol (1973). However, the scientist did not advance any convincing arguments (Kasparova, Machinsky, Shchukin 1976).

As a result of the studies carried out by many scientists in different European regions new data were obtained allowing archaeologists to establish earlier dates than those provided by Philip and Hachmann's scheme (Benadik 1962; Ludikovskiy 1964; Todorović 1968; Zirra 1971; Hodson 1968; Polenz 1971; etc.). Z.Woźniak (1970,1974) introduced amendments into the chronological scheme as a whole. K.Godłowski (1977) suggested that the beginning of the La Tène circle of cultures (including the Zarubintsy Culture in question) be dated not from the La Tène D (LTD), as R.Hachmann believed (1961), but from the end of the La Tène C₁ (LTC₁) - the beginning of the La Tène C₂ (LTC₂).

Further study of different archaeological and numismatic materials as well as dendrochronological data allowed the introduction of a number of specifications both of regional and general character (Kruta-Poppi 1975,1979; Haffer 1974,1979; Stöckli 1979; Polenz 1978,1982; Čižmař 1975,1989; Meduna 1980; Bujna 1982; Seyer 1982; Babeş 1985; Godłowski 1985; Waldhauser 1987; Dąbrowska 1988; Kasparova 1977, 1978, 1981, 1989; Shchukin 1989,1991a; Eremenko 1990; Shchukin, Eremenko /in print/). This work has resulted in the creation of an almost finished European chronological system, though there remains a number of controversial points. We consider the scheme of Polenz as the most optimum (Polenz 1982). The scheme is based on the data collected and the calculations made by the scientists of the rhythms and the period of the La Tène culture development. The stages most important for this subject were dated as follows: C₁ - 250/230 - 185/170 B.C.; C₂ - 185/170 - 120/105 B.C. For the sites of the Carpathian Depression as well as Czechia stage C₁ is divided into C_{1a} and C_{1b} (Bujna 1982; Waldhauser 1987). J.Waldhauser suggests the date "about 200 B.C." as the turn between them (1987:35). This agrees well with the dendrodate 208 B.C. for burial 96 from Wederath where the fibulae typologically close to the forms C_{1b} come from according to Bujna (Haffner 1979; Abb.2:2,3; Bujna 1982: Abb.4:29,30).

V.E.Eremenko (1990) dates substage C_{1b} from 225-190 B.C. on the basis of the analysis of historical evidence concerning the migration of the Celts, and taking the dendrodate mentioned above into account. In his opinion the beginning of C₂ dates from 200/180 B.C. according to the dates of amphora stamps from the settlements of the Poienești-Lukashevka Culture which are synchronous with the early stage of the Lukashevka cemetery where the fibulae of variant B by Kostrezewsky typical of C₂ are represented. This is a moot point if we take account of the fact that fibulae and amphorae have not been found together anywhere.

H.Polenz and A.Haffner (1982,1979) date the turn between C₂ and D₁ from 120/105 or 120/116 B.C. Most of the scientists date the end of D₁ from 60-40 B.C. (Rieckhoff 1975; Godłowski 1985; Shchukin 1991b). The Late La Tène stage ends with D₂ (locally - D₃) not simultaneously in different regions; in the Rhine-Danube - region - by 15-12 B.C.; in the north-eastern regions - by 10-20 or 30-40 A.D., followed by the Early Roman period (Godłowski 1977:18-20, 59-66; Dąbrowska 1988:61,62; Čižmař 1989; Shchukin 1991b).

When synchronizing the cultures of the Late Pre-Roman period and the La Tène period chronology Hachmann's stage "a" corresponds to LTC_{1b} or the turn between C₁ and C₂, and the late stage "d" - to LTD₂ and to some extent - The Early Roman stage B₁ (Godzowski 1985:13-40; Dąbrowska 1988).

The changes in the La Tène period chronology allowed the revision of the early date of the Zarubintsy Culture (Kasparova 1978,1981). E.V.Maksimov and S.P.Pachkova date the appearance of Mid-La Tène "disjointed" fibulae in Zarubintsy Culture (fig.2:1,9,10) from the end of the 3rd century B.C. or about the turn of the 3rd and 2nd centuries B.C. The authors took account of the earliest dates of some types according to V.Zirra's scheme (1971); however, they did not give any specific comparisons. This date makes it possible to bring the origin of the settlement and cemeteries closer in time (Maksimov 1982:23,24; Pachkova 1991).

V.E.Eremenko (1990) distinguishes the early - "pre-Balkan" - stage of the Zarubintsy Culture and synchronized this stage with C_{1b} (225-190 B.C.). In the burials of that period there are still no "Zarubintsky-type" fibulae with triangular shield on the foot (fig.3:15-17,23-25). Their prototypes - Balkan "spearlike" fibulae (fig.3:19-22,26,27) - might have been brought by those who took part in the campaigns of the Bastarnae against Illyria not earlier than in 179-168 B.C. (Kasparova 1977,1978). This I stage in Voronino and Korchevatoye is dated by variant B fibulae (Abezgaus, Eremenko, etc.1992). However, a fibula, decorated with "figure-of-eight" whorls (fig.2:10) is a typologically earlier one, dates from stage III. This disagreement is explained by using of cluster-analysis for studying the cemetery.

Chronological ordering of the fibulae types from these sites casts doubt. References to stage LTC₁, as the date of variant B from the Prezeworsk and the Jastorf Cultures are not convincing as the fibulae of this type from the Zarubintsy Culture (fig.3:8,9) do not have the early features according to which some examples of variant A and B from stage A₁ of the Prezeworsk Culture are dated from LTC₁. At this stage fibulae characteristic of LTC₂ are the most common (Dąbrowska 1988:16-21,55,56, ryc.2). The same situation is observed at the Luboszyci cemetery where variant B represents stage III synchronous with LTC₂ (Domański 1975:17-19).

In my opinion, there is no convincing evidence of the existence of the "pre-Balkan" stage in the Zarubintsy Culture according to the materials of Voronovo and Korchevatoye. The age of this stage (225-190 B.C.) does not agree with that of the I stage of the Chaplin cemetery (180-120 B.C.) (Eremenko, Zhuravlev 1992). The fact is that the main chronological indicator in this case is a variant B fibula which is obviously earlier by its typological features than corresponding examples from Voronovo and Korchevatoye (fig.3:8,9; 5:29). The attempt to link the origin of the Chaplin cemetery with the written data of 145-120 B.C. on the Cimbri and Celto-Schythians seems an interesting hypothesis. However, it is not sufficiently supported by the site chronology.

Touching on the Zarubintsy Culture chronology and the fibulae dates some scientists from our country still adhere to the positions of Philip and Hachmann. Thus, for example, the dates of some types of fibulae suggested by A.M.Oblomsky as well as his synchronization of the beginning of the Late Pre-Rome cultures with LTD provoke objections (Oblomsky 1983).

The early data of Zarubintsy Culture is based on three fibulae: one - with two small balls (Kugelfibeln) and two - with "figure-of-eight" whorls on the arch (fig.2:1,9,10). Among the parallels from Celtic sites of great importance is a fibula with balls from grave 96 of the Wederath cemetery (fig.2:7) dated from 208 B.C. (Haffner 1979) as well as some examples of type 30, stage C_{1b} according to Bujna (1982). However, Celtic fibulae differ from Zarubintsy ones as they have a longer foot and a sloping arch - the features characteristic of the LTC₁ forms (Todorović 1972:Tabl.XII,7; Vizdal 1976:Abb.5:2,3) (fig.2:8). Among the fibulae of the Jastorf Culture the closest parallels are in the Brandenburg and Gubin groups (fig.2:3,5). H.Seyer (1982:17-19) considers them as the leading forms ("leit-forms") of stage IIb1 (LTC₂); in Cammer fibulae with balls belong to the second time group; and in combination with variant B - to the third (Hachmann 1961:91,Abb.31). In Luboszyci they have been found with variant A at stage II and with variant B at the next stage (the second half of the 2nd century B.C.) (Domański 1975:15-17; ff., ryc.2, tabl.XIII,c; XIV,c,k,l; and others). In Naumburg a fibula with balls corresponded to variant C and this complex is dated from LTD₁ (Speher 1968; Müller 1985:Abb.13).

Some fibulae of type II, version 5c of the I stage of the Poienesti-Lukashevka Culture (synchronous with LTC₂) are similar to the example from Velemichi I (Babes 1985). Some vessels (fig.4:14) also characteristic of the Jastorf Culture groups, have been found in Velemichi together with the same fibula. In the Jastorf Culture these vessels correspond to variant A and D/E. In the Gubin group bowl-shaped vessels with the handle are met at stage III, in the Poienesti-Lukashevka Culture - at stage II. The shape of an urn

and the ornament (fig.4:15) have parallels in the pottery of the same cultures (Vulpe 1953: Fig.160,177, ff.; Babeş 1985:201,202, fig.4:1,III d; Domanski 1975:37; tabl.VII d, IXg; Seyer 1982: Taf.13:2, 23:27, ff.; Marschalléck 1927:Abb.10:9, Taf.33:43; and others). The complex of graves from Velemichi (fig.4:11-15), which is unique for the Zarubintsy Culture, as far as the combination of artefacts is concerned, provides not only reliable dates - a period of time synchronous with the beginning of LTC₂ - but is also indicative of the cultures components.

I do not know any absolute parallels to fibulae with "figures-of-eight" (fig.2:9,10) in La Tene Culture. Celtic fibulae of this type, as a rule, have twists not on the arch but at the end of the foot. Both these types are synchronous and are dated from C₁ (Bujna 1982; Zirra 1967; Vizdal 1976). However, Zarubintsy examples with "figures-of-eight" on the arch are closer to those of C₂ according to some features (the foot is shorter than the arch, flat fibula profile, etc.) (Polenz 1978:188, Abb.5; Dąbrowska 1988:16-21, ff.). One of these fibulae corresponded to variant B and a bowl of the late type of Zarubintsy vessels (Voronino, grave 25) (fig.4:3-10). Several fibulae (fig.2:17; 7:10) are derivatives from the "disjointed" ones, and are typical of C₂ by their features. Some of them (fig.3:1) resemble Mötschwil type or its versions - the main forms of C₂ (Hodson 1968; Polenz 1971,1978:Abb.5; Marović 1960; sl.10:1,3; Marić 1968: Taf.VIII,19; XIII,36) (fig.3:2-7). Related with "disjointed" fibulae are those with triangular end of the foot (of Zarubintsy type). Their hybrids are well known (fig.2:17,19-21). The fact that one of the graves contained a fibula imitating a "disjointed" one and that of the early version of Zarubintsy type suggests their similar age (fig.2:6,18; 7:10,11). The early date of Zarubintsy fibulae is based on their origin: they arose from "spear-like" fibulae which must have been brought by the Bastarnae during their Balkan campaigns (179-168 B.C.) when they got in touch with the Scordisci and other local tribes. Many of their graves contained "spear-like" fibulae (Kasparova 1977,1978). The Bastarnae are certain to have taken part in the development of the Zarubintsy Culture: different elements of the Jastorf Culture in pottery and metal goods are present in all its versions to a certain extent (Kasparova 1981,1989; Eremenko 1990; Shchukin 1989). The influence of the Bastarnae upon the Jastorf circle of cultures is obvious (Babeş 1985; Dąbrowska 1988).

The Zarubintsy Culture is most likely to have originated somewhat later than or nearly at the same time as the Poieneşti-Lukashevka Culture related to it. The first stages of the cemeteries diagnose Mid-La Tene "disjointed" fibulae as well as early Zarubintsy versions and early examples of the variant B fibulae. According to these chronological indicators the origin of the Polesje and Mid-Dnieper versions of the culture is dated from the early LTC₂, most likely after 180-170 D.C. The Upper-Dnieper version arose a bit later but within the same stage of the culture.

The date proposed disagrees with the chronology of settlements in the Mid-Dnieper region as long as we take account of a seal with the inscription ΑΠΟΛΛΑΔΟΣ dated from 230-220 B.C. by B.N.Graikov. No goods of such an early origin have been found at the cemeteries. According to E.V.Maksimov (1982), black-polished pots and bowls with faceted rims as well as rough vessels - "korchagi" - belong to the early period. However, the graves contained these vessels together with the LTC₂ fibulae (Kubishev, Sciba 1989: fig.4:22,38; 5:1,7,8). There is also some chronological gap between the Zarubintsy Culture and local Scythian Culture which later date is the early 3rd century B.C. (Kovpanenko, Bessonova, Skoryj 1989). This makes it difficult to accept their genetic relationship - the proposition insisted upon by the Ukrainian scientists (Maksimov 1982:155). On the other hand, some features of local culture should not be denied. The elements of the Pomeranian-Podkleshova Culture with the upper date not later than I.TB₁ (B₂?) according to the Dux-type fibulae (Woźniak 1979) are obvious in Polesje burial rite and pottery. Probably it will be no lacuna at all: a fibulae fragment, supposedly of the Mid-La Tene scheme, has been found recently at a Pomeranian settlement. In the Upper Dnieper region the end of the Milogrady Culture is dated from the early 3rd century B.C. according to the finds of caterpillar arm-rings (Eremenko 1990), but this date is a moot point; the other artefacts date from the 2nd - 1st centuries B.C. (Rassadin 1989). According to some similarities in the ornaments on the pottery and in the ritual little contribution of local culture may be safely assumed.

Thus, so far the analysis of relationship between the Zarubintsy Culture has not given reliable data allowing us to establish a more accurate date for the origin of the Zarubintsy Culture.

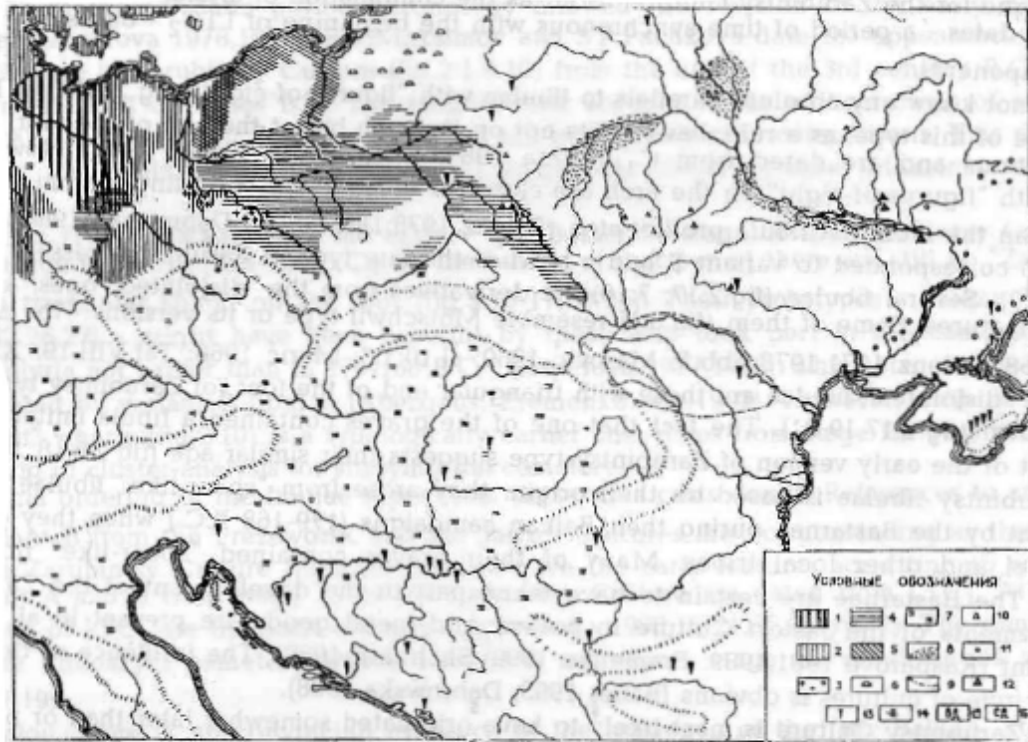

Рис.1 Картограмма некоторых археологических культур и отдельных памятников периодов Латена С и D: 1 - ареал ясторфской культуры; 2 - ареал культур ясторфского круга; 3 - основные памятники губинской группы ясторфской культуры; 4 - ареал пшеворской культуры; 5 - ареал оксывской культуры; 6 - ареал культуры западно-балтских курганов; 7 - области, занятые кельтскими племенами; 8 - границы ареалов локальных вариантов зарубинецкой культуры; 9 - граница ареала поенешти-лукашевской культуры; 10 - отдельные памятники зарубинецкой культуры; 11 - сарматские памятники (условно); 12 - зарубинецко-сарматские памятники; 13 - памятники с находками копьевидных фибул и фибул зарубинецкого типа вне ареала зарубинецкой культуры; 14 - полесский вариант зарубинецкой культуры; 15 - верхнеднепровский вариант зарубинецкой культуры; 16 - среднеднепровский вариант зарубинецкой культуры.

Fig.1 The map of some archaeological cultures and sites of the La Tene C and D period: 1 - the area of the Jastorf Culture; 2 - the area of the cultures of the Jastorf circle; 3 - the main sites of the Gubin group of the Jastorf Culture; 4 - the area of the Przeworsk Culture; 5 - the area of the Oksywie Culture; 6 - the area of the Culture of West-Baltic mounds; 7 - the regions occupied by Celtic tribes; 8 - borders of the areas of local versions of the Zarubintsy Culture; 9 - border of the area of the Poienesti-Lukashevka Culture; 10 - some sites of the Zarubintsy Culture; 11 - Sarmatian sites (roughly); 12 - Zarubintsy-Sarmatian sites; 13 - sites containing spear-shaped fibulae and fibulae of the Zarubintsy type outside the area of the Zarubintsy Culture; 14 - the Polesje version of the Zarubintsy Culture; 15 - the Upper-Dnieper version of the Zarubintsy Culture; 16 - the Mid-Dnieper version of the Zarubintsy Culture.

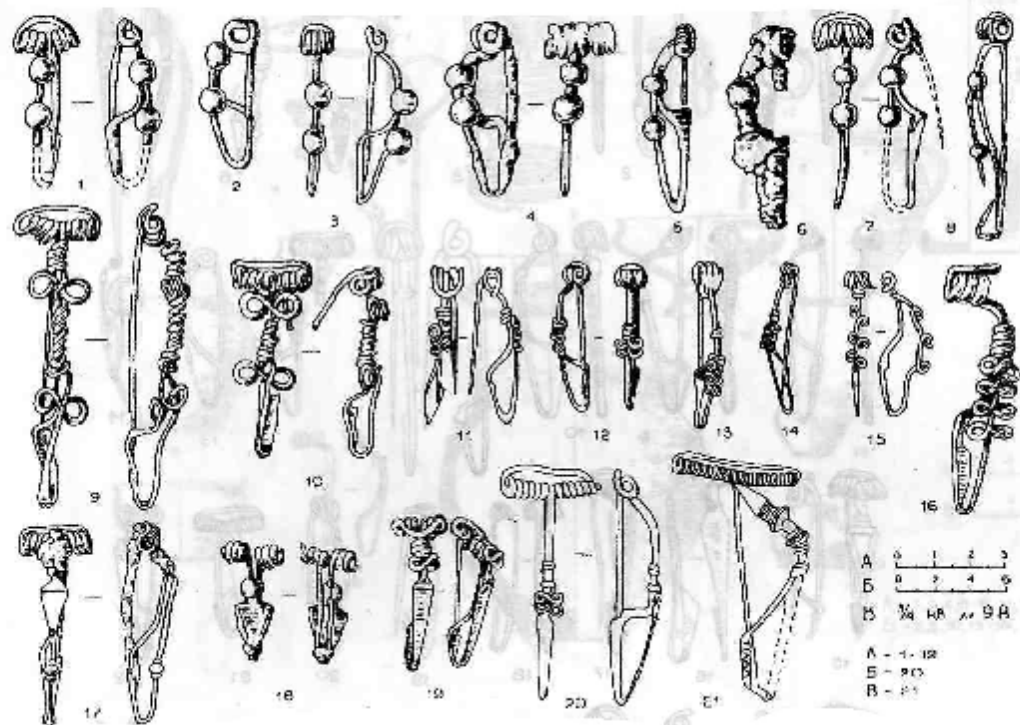

Рис.2 Фибулы среднелатенской схемы, расчлененные шариками и восьмеркообразными петлями: 1 - Велемичи 1, погребение 108; 2 - Бёрнике, погребение Cg 466; 3 - Любошице, погребение 128; 4 - Поенешти, погребение 392; 5 - Бюнитц, погребение 20; 6,18 - Холиаре, погребение 741; 7 - Ведерат, погребение 96; 8 - Ижковцы, погребение 2; 9 - Пироговский, погребение 26; 10 - Воронино, погребение 25; 11 - Чиумешти, жилище В/1962; 12 - Маня, погребение 143; 13 - Ижковцы, погребение 16; 14 - Ютас; 15 - Чиумешти, жилище Ковач 1960; 16 - Йелшовце; 17 - Воронино, погребение 4; 19 - Нови Бановцы; 20 - Холперская, погребение 8, курган 11; 21 - Донья Ламинцы (13 - рисунок по фотографии). 1,9,10,17 - зарубинецкая культура; 2,3,5 - ясторфская культура (3 - губинская группа); 4 - поенешти-лукашевская культура; 6-8,11-16,18,19,21 - кельтские памятники; 20 - сарматская культура. 1,6 - железо; 21 - серебро; остальные - бронза.

Fig.2 Fibulae of the Mid-La Tene scheme: with small balls and with "figure-of-eight" whorls. 1 - Velemichi 1, burial 108; 2 - Börnike, burial Cg 466; 3 - Luboszyći, burial 128; 4 - Poienesti, burial 392; 5 - Bücknitz, burial 20; 6,18 - Holiare, burial 741; 7 - Wederath, burial 96; 8 - Izkovce, burial 2; 9 - Pirogovsky, burial 26; 10 - Voronino, burial 25; 11 - Ciumesti, dwelling B/1962; 12 - Mana, burial 143; 13 - Izkovce, burial 16; 14 - Jutas; 15 - Ciumesti, dwelling Kovach 1960; 16 - Jelsovce; 17 - Voronino, burial 4; 19 - Novi Banovci; 20 - Khoperskaya, burial 8, mound 11; 21 - Donji Laminci (13 - figure according to the photo). 1,9,10,17 - the Zarubintsy Culture; 2,3,5 - the Jastorf Culture (3 - the Gubin group); 4 - the Poienesti-Lukashevka Culture; 6-8,11-16,18,19,21 - Celtic sites; 20 - The Sarmatian Culture. 1,6 - iron; 21 - silver; the rest - bronze.

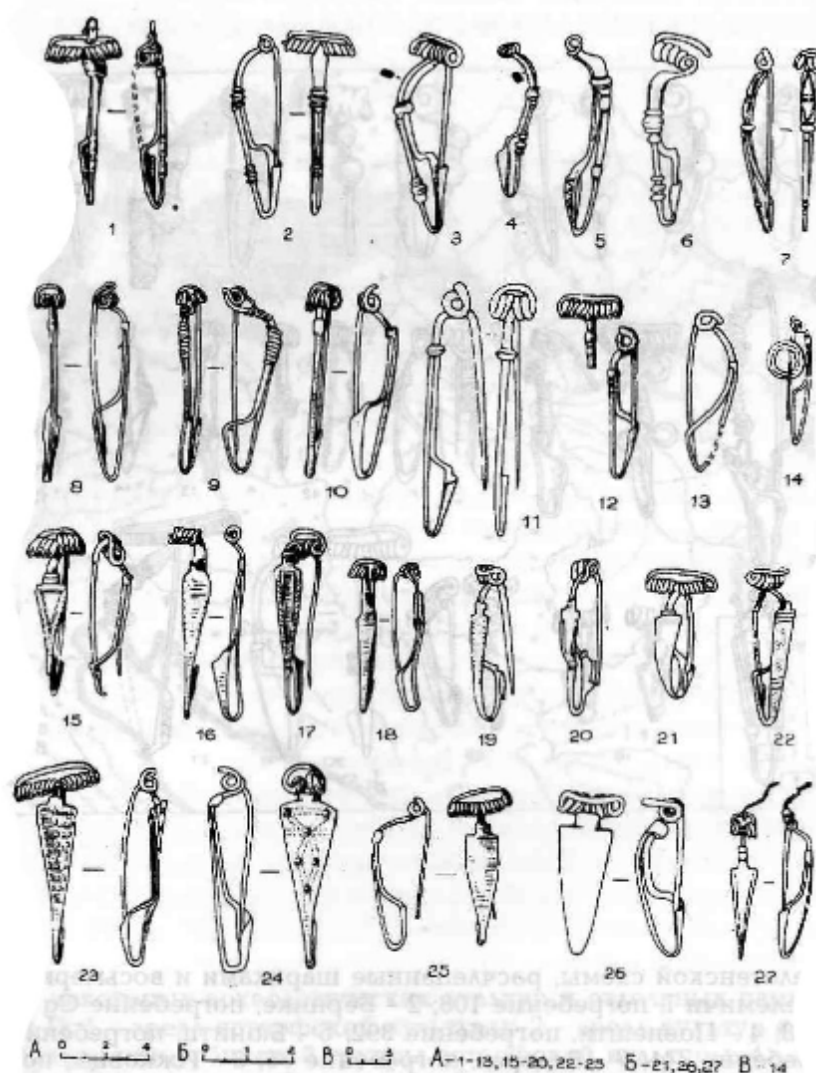

Рис.3 Некоторые типы фибул зарубинецкой культуры и близкие формы фибул из памятников Средней и Юго-Восточной Европы. 1 - Пироговский, погребение 129; 2 - Рибич, погребение 184; 3-4 - Солин, отдельные находки; 5-6 - Вир у Посушья, из погребений; 7 - кельтская фибула типа Мётчвиль (по Поленцу, 1978); 8-9 - Воронино, погребения 16,17; 10 - Велемичи II, погребение 59; 11 - Дитценбах, погребение 5; 12 - Варшава-Вилянув, погребение 87; 13 - Карчевец, погребение 106; 14 - Любошице, погребение 141; 15,16 - Отвержичи, погребения 59,45; 17 - Велемичи I, погребение 4; 18 - Пироговский, погребение 100; 19,20 - Езерине, погребение 393а; 21 - Езерине - погребение 278; 22 - Махревичи, из погребений; 23,24,25 - Велемичи II, погребения 25,23,14; 26 - Карабурма, погребение 4; 27 - Гостиля, погребение 122. 1,8-10,15-18,23-25 - зарубинецкая культура; 2-6,19-22,26,27 - кельто-иллирийские памятники; 11 - кельтский могильник; 12,13 - пшеворская культура; 14 - губинская группа ясторфской культуры. 1-27 - бронза.

Fig.3 Some types of fibulae of the Zarubintsy Culture and similar types of fibulae from the sites of Middle and South-Eastern Europe. 1 - Pirogovsky, burial 129; 2 - Ribic, burial 184; 3-4 - Solin, some finds; 5-6 - Vir kod Posusja, from the burials; 7 - Celtic fibula of the Möttschwil type (according to Polenz, 1978); 8,9 - Voronino, burials 16,17; 10 - Velemichi 2, burial 59; 11 - Dietzenbach, burial 5; 12 - Warsawa-Wilanow, burial 87; 13 - Karczewiec, burial 106; 14 - luboszyci, burial 141; 15,16 - Otverzhichi, burials 59,45; 17 - Velemichi 1, burial 4; 18 - Pirogovsky, burial 100; 19,20 - Jezerine, burial 393a; 21 - Jezerine, burial 278; 22 - Mahrevici, from the burials; 23,24,25 - Velemichi 2, burials 25,23,14; 26 - Karaburma, burial 4; Gostilj, burial 122. 1,8-10,15-18,23-25 - the Zarubintsy Culture; 2-6,19-22,26,27 - Celtic-Ilyrian sites; 11 - Celtic cemetery; 12-13 - the Przeworsk Culture; 14 - the Gubin group of the Jastorf Culture. 1-27 - bronze.

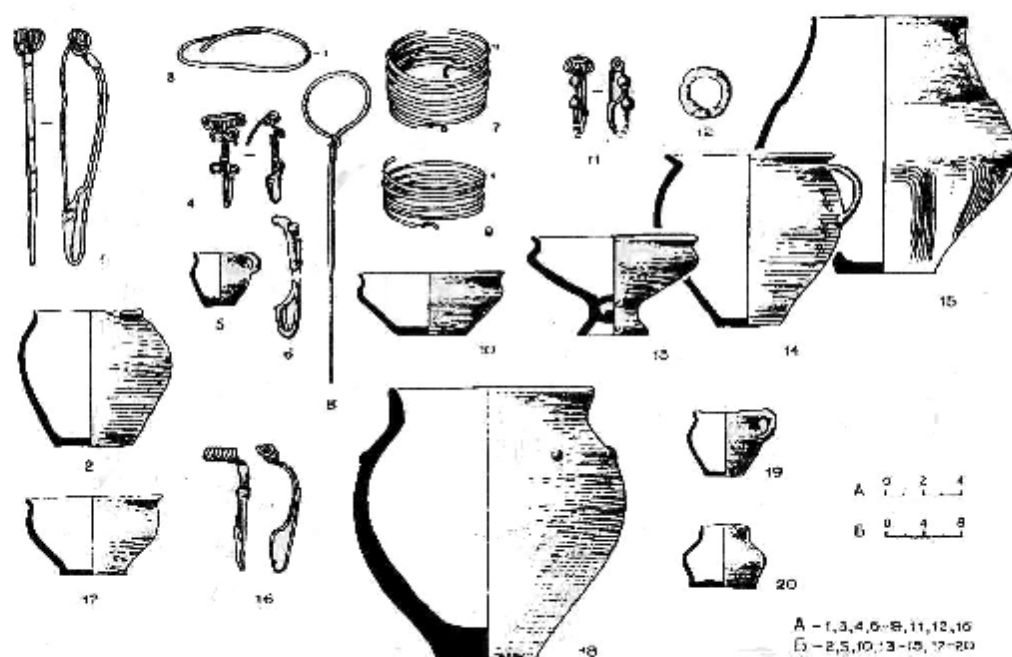

Рис.4 Комплексы погребений ранней фазы полесского варианта зарубинецкой культуры. 1,2 - Велемичи II, погребение 80; 3-10 - Воронино, погребение 25; 11-15 - Велемичи I, погребение 108; 16-20 - Отвержичи, погребение 21. 1,3,4,7-9,16 - бронза; 6,11,12 - железо; 2,5,10,13-15,17-20 - керамика.

Fig.4 Funeral complexes of the early stage of the Polesje version of the Zarubintsy Culture. 1,2 - Velemichi 2, burial 80; 3-10 - Voronino, burial 25; 11-15 - Velemichi 1, burial 108; 16-20 - Otverzhichi, burial 21. 1,3,4,7-9,16 - bronze; 6,11,12 - iron; 2,10,13-15,17-20 - pottery.

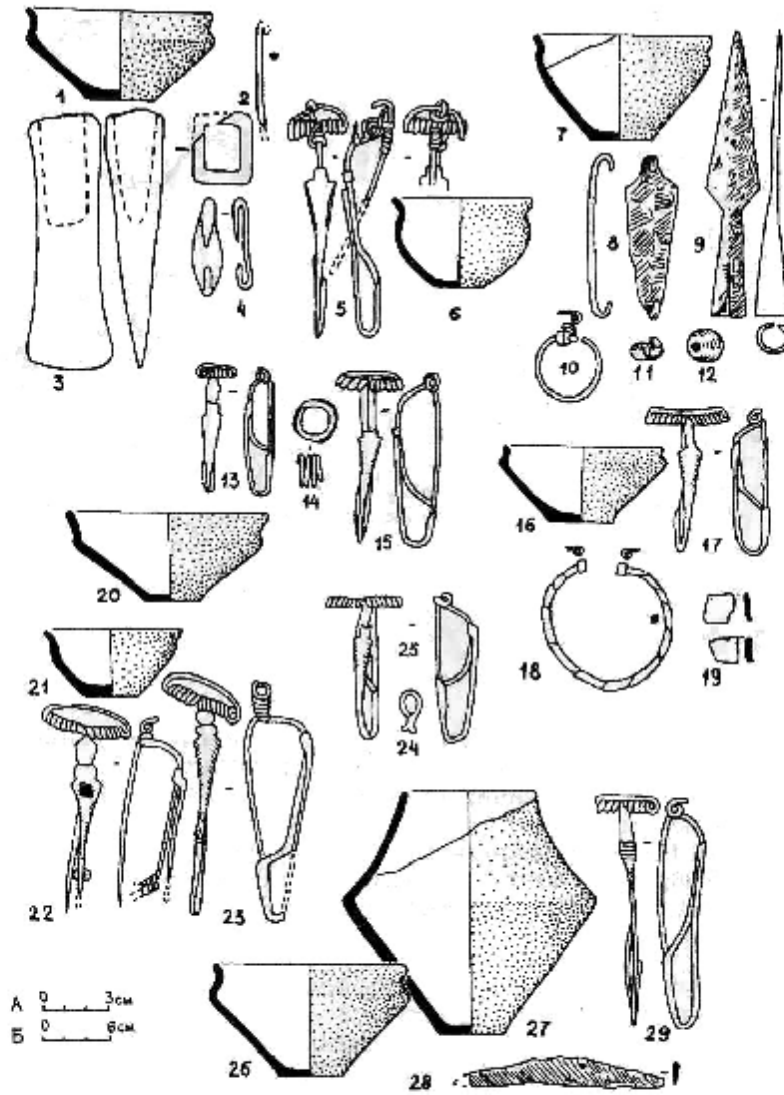

Рис.5. Комплексы погребений ранней фазы верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры по могильнику Чаплин. 1-4 - погребение 236; 5,6 - погребение 103; 7-12 - погребение 125; 13-15,20 - погребение 201; 16-19 - погребение 44а; 21-23 - погребение 16; 24,25 - погребение 45; 26-29 - погребение 142. 1,6,7,12,16,19-21,26,27 - глина; 2-5,8,9,13-15,17,18,22,23,25,28 - железо; 5,10,11,15,24,29 - бронза.

Fig.5 Funeral complexes of the early stage of the Upper Dnieper version of the Zarubintsy Culture (the cemetery Chaplin). 1-4 - burial 236; 5-6 - burial 103; 7-12 - burial 125; 13-15,20 - burial 201; 16-19 - burial 44a; 21-23 - burial 16; 24,25 - burial 45; 26-29 - burial 142. 1,6,7,12,16,19-21,26,27 - clay; 2-5,8,9,13-15,17,18,22,23,25,28 - iron; 5,10,11,15,24,29 - bronze.

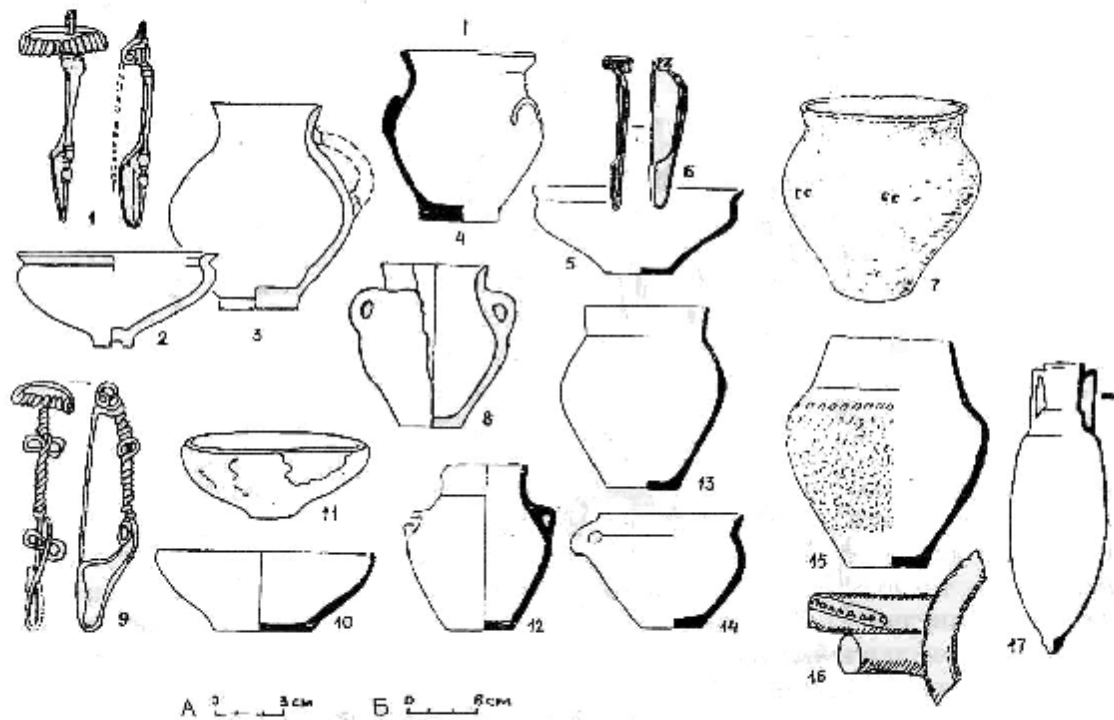

Рис.6 Ранняя фаза среднеднепровского варианта зарубинецкой культуры. 1-14 - Пироговский могильник; 15-17 - поселение Пилипенкова Гора. 1-3 - погребение 129; 4-6 - погребение 101; 7 - погребение 13; 8 - погребение 27; 9,10 - погребение 26; 11 - погребение 7; 12 - погребение 54; 13 - погребение 2; 14 - погребение 65. Масштаб разный. 1,6,9 - бронза; остальные - керамика.

Fig.6 The early stage of the Mid-Dnieper version of the Zarubintsy Culture. 1-14 - the Pirogovsky cemetery; 15-17 - the settlement Pilipenkova Gora. 1-3 - burial 129; 4-6 - burial 101; 7 - burial 13; 8 - burial 27; 9,10 - burial 26; 11 - burial 7; 12 - burial 54; 13 - burial 2; 14 - burial 65. The scale is different. 1,6,9 - bronze; the rest - pottery.

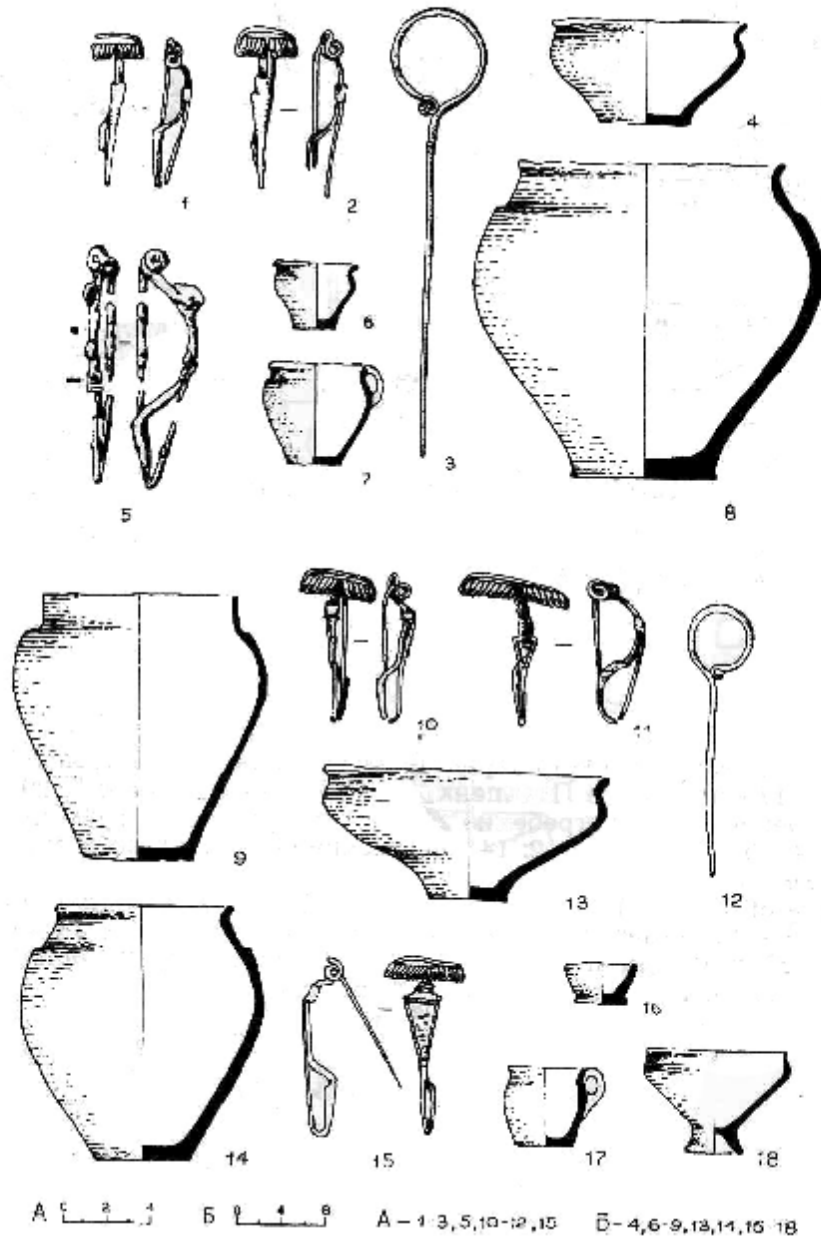

Рис.7 Комплексы погребений ранней фазы могильника Велемичи II полесского варианта зарубинецкой культуры. 1-8 - погребение 104; 9-13 - погребение 105; 14-18 - погребение 24. 1-3,10-12,15 - бронза; 5 - железо; 4,6-9,13,14,16-18 - керамика.

Fig.7 Burial complexes of the early stage of the cemetery Velemichi 2 (the Polesje version of the Zarubintsy Culture). 1-8 - burial 104; 9-13 - burial 105; 14-18 - burial 24. 1-3,10-12,15 - bronze; 5 - iron; 4,6-9,13,14,16-18 - pottery.